

Цискарька

Если ты дружишь с песней...

Слова П. КОБРАКОВА

Музыка А. МИРЕЦКОГО

Весело, в темпе марша

Один

1. Яр-ко о-за-рён-но-е солнцем зна-мя ве-те-рок ко-лышет, тебе-я.

Ро-ди-на-от-чи-з-на гор-дит-ся на-ми и о нас за-бо-тит-ся, любя.

Все

Ес-ли ты дру-жишь с песней, ес-ли ты лю-бишь свой край, так ша-гай ве-се-ле-е, с на-ми вме-сте за-пе-вай, Так ша-гай ве-се-ле-е, с на-ми вме-сте за-пе-вай! / вай!

Для повт. Для оконч.

(Текст песни см. на 17-й странице)

Ежемесячное приложение к газете
пионеров и школьников
«Ленинские искры» — орган
Ленинградского Обкома и Горкома ВЛКСМ,
Областного и Городского Советов
пионерской организации имени В. И. Ленина

Рис. В. Орлова

Вячеслав Кузнецов

У КОСТРА

Жарко дышит в лицо костёр,
словно искры, звёзд огоньки,
робкий говор сосен-сестёр
да сонные всплески реки.

Хорошо посидеть, помечтать
и хорошую песню спеть,
или просто вдруг помолчать —
это тоже нужно уметь.

А наутро мы снова в поход
устремимся, легки и быстры.
...Тьма всё гуще, всё глуше
встаёт,
но в глазах у ребят — костры.

И в сердцах огонь у ребят
начинает всё ярче мерцать,
тот огонь, которым горят
коммунистов сердца.

Тайны посёлка Званцево

(Маленькая повесть о лесных невидимках)

Краткое содержание первой части

В ДАЧНОМ посёлке Званцево творились загадочные дела. Известно было, что в окружающих посёлок лесах появились какие-то «лесные невидимки».

Приехавшему в званцевскую библиотеку литератору на вечер-встречу с читателями не пришлось искать дорогу, так как на платформе он обнаружил подробный план посёлка с указанием месторасположения основных поселковых учреждений, а на всех перекрёстках — название улиц. Библиотекарьша Ольга Михайловна сказала, что это, видимо, дело рук «лесных невидимок». И вот что она рассказала ему о «ЛН».

У Ольги Михайловны есть племянник Серёжа — мальчик лет одиннадцати. Вообразив себя ловцом жемчуга, он нырнул с недавно построенной платформы в искусственное, очень глубокое, озеро. Из воды Серёжу вытащили какие-то неизвестные люди. Они унесли его в лес, привели в чувство, обогрели, накормили и объяснили дорогу домой. Сопровождающим дали собаку — чёрную овчарку по кличке «Артист» — и «спасательный жезл» — широкую лучину, на конце которой были выжжены буквы «ЛН». Если Серёжа благополучно доберётся домой, он должен сломать жезл и одну половину отдать собаке, чтобы она доставила её его спасителям.

И ещё один случай рассказала Ольга Михайловна. В посёлок за грибами приехала семья: отец, мать и дочка. В лесу они заблудились. Их выручили какие-то мальчишки. С ними была такая же чёрная овчарка. Порчу компаса они объяснили тем, что здешняя земля таит в себе неисчислимые сокровища. Грибники, к сожалению, оказались людьми недостаточно наблюдательными и ничего не смогли рассказать о том, как выглядели ребята, только девочка заметила, что у высокого мальчика на мочке левого уха была большая родинка.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ*

КАК я ни старался поскорей освободиться от дел, но всё же они отняли у меня много времени. Только к концу пятых суток я, наконец, вздохнул свободно.

Подготовка к отъезду в Званцево не была особенно хлопотливой. По магазинам, правда, пришлось походить. Мне надо было взять с собой

Я возвращаюсь в Званцево. ★ Дом на вершине кособога и его милые обитатели. ★ Как бы действовал знаменитый Шерлок Холмс? ★ Три визита. ★ В защиту дамских босоножек. ★ Марафонские хождения. ★ Лес да лес кругом... ★ В лабиринте заколдованного круга. ★ История «Болотного замка». ★ Воздушный шарик приносит «восьмёрку». ★ Я тоже хочу стать невидимкой. ★ Разговор в темноте...

по крайней мере двухнедельный запас продовольствия. Кто знает — будет ли у меня время посещать званцевский продмаг! Помню, Ольга Михайловна уверяла, что в местном магазине есть всё, что необходимо дачнику. Но я ведь не дачник. Я — охотник за лесными невидимками. Может случиться так, что обстоятельства заставят меня, как каждого охотника, находиться вдали от чело-

* Продолжение. Начало см. «Искорку» № 5.

веческого жилья. Мне нужны особые продукты. Они не должны сохнуть, течь и портиться.

И вот мой рюкзак набит сухарями, головками зелёного сыра, банками сгущённого молока, мясными консервами и тянучками «Тузик».

Заботы о подыскании для меня дачного жилища любезно взяла на себя Ольга Михайловна. Кажется, она вначале чуть-чуть обиделась, когда я отказался быть постояльцем в её симпатичном, уютном домике. Но, право, мне не хотелось стеснять Ольгу Михайловну. У неё и так тесновато. А кроме того, дача Ольги Михайловны находилась сравнительно далеко от центра, на окраине посёлка, на ещё необжитом и мало застроенном земельном участке. Жить здесь — значит сильно ограничить площадь обзора и создать значительные помехи для постоянных наблюдений. Нет! Я должен быть в самой гуще званцевской жизни. Иначе я рискую ничего не увидеть.

Итак, все мои вещи уложены. От Ольги Михайловны получена телеграмма: «Комната снята. Выезжайте любой день».

И я выехал.

Но, увы, как всё было не похоже на первый мой приезд в Званцево! День выдался пасмурный и дождливый. В низинах клубился белёсый парной туман. Всё вокруг пропиталось сырым, прелым запахом: и земля, и деревья, и дачные заборы. Званцевский суглинок совсем раскис. Я поминутно скользил, делал отчаянные взмахи руками, стараясь сохранить равновесие, и только каким-то чудом всё ещё удерживался на ногах и не падал в лужи. Казалось, что вокруг меня нет ни одной сухой, устойчивой точки опоры.

От неожиданных встрясок, бросков и скольжений перегруженный вещевой мешок за моей спиной то и дело перекидывался с одной стороны на другую, натирая мне лямками плечи. Болтались, задевая друг за друга, и ежеминутно перекручивались ремнями бинокль, фотоаппарат, термос и походная фляга. Хорошо, что из-за непогоды

почти никто не приехал в Званцево. Некому было на меня смотреть и потешаться. Поистине я представлял собой довольно комичную фигуру туриста-неудачника, попавшего впросак уже на первом этапе путешествия. Меня разбирала досада. Затеянное предприятие уже не казалось мне таким многообещающим и интересным. Правда, я утешал себя надеждой на возникновение чрезвычайных происшествий, которые бы вновь воодушевили меня. Так бывало не раз. Мне следовало считаться с собственным житейским опытом.

Дождь всё не переставал, и когда мне, наконец, удалось дотащиться до библиотеки, я изрядно промок. Ольга Михайловна уже ждала меня. Оказывается, моё будущее жильё находилось совсем рядом. Это был крепко сколоченный, обшитый тёсом деревянный дом, выкрашенный в бледно-ультрамариновые тона. С ультрамарином мне ещё придётся столкнуться при разгадке некоторых тайн. Но об этом позднее... Дом стоял на самой верхушке крутого косогора и, казалось, главенствовал над всей округой. Я забыл сказать, что его очень украшали нарядная белоснежная веранда и такой же белоснежный, с ажурными переплётами, балкончик, подвешенный у мезонины. Здесь, как бы на втором этаже, и находилась моя комната.

Она была довольно просторна, уютна и светла. Через полчаса я уже расположился в ней, как у себя дома.

Хозяевами дачи оказались совсем ещё молодая супружеская пара. Милые, приветливые и сердечные люди, они внешне составляли между собой резкий контраст. Если Иван Петрович был худощав, нетороплив в движениях, скуповат на беседу, очень спокоен и рассудителен, то его жена — Анастасия Васильевна, или попросту Настенька, — являла собой полную противоположность. Необыкновенно подвижная, несмотря на полноту, весёлая болтунья, какая-то вся круглая и румяная, хохотушка и непоседа, она, казалось, с избытком восполняла то, чего не хватало её мужу.

Ежедневно, за исключением воскресенья, Иван Петрович уезжал в город с первым поездом. Он работал слесарем в железнодорожном депо и возвращался в Званцево уже во второй половине дня. Помывшись и пообедав, он тотчас выходил в садик, держа в руках какой-нибудь рабочий инструмент: рубанок, пилу

или топор. Деловито насвистывая, он неизменно что-нибудь мастерил.

Настенька питала страстную любовь к выискиванию поселковых сенсаций и к весёлой болтовне с соседками, но в паузах энергично работала по дому: скребла, мыла, чистила, прибирала, ухаживала за садом и огородом.

У моих хозяев был двенадцатилетний сын Костя, до странности спокойный и тихий мальчик. Я почти никогда не слышал его голоса. Это было какое-то незаметное, безгласное существо. Казалось, что у него не было никаких дел, игр, проказ, развлечений и дружеских связей. Я поначалу думал использовать этого тихоню в своих целях, надеясь получить от него наиболее полную информацию о ребячьем населении Званцева, но вскоре оставил эту мысль. Молчальник говорил «да» и «нет», смотрел куда-то в сторону, видимо, стесняясь меня и тяготясь беседой. Я вскоре совсем оставил его. Да мне и редко приходилось встречаться с ним. Рано поутру, забрав удочку, он уходил на рыбалку и забегал домой только за тем, чтобы наспех перекусить. Пойманной рыбы, кроме уклейки и пескарей, я у него никогда не видел. Видимо, это был рыболов-неудачник.

Но вернёмся к первому дню моего возвращения в Званцево. Пока Ольга Михайловна разговаривала с хозяйкой, я разобрал вещи и переоделся. Мне не терпелось поскорей приступить к поискам лесных невидимок. Но дождь не переставал.

Идти куда-либо в такую погоду казалось совершенно неразумным. Мой плащ был мокрым. Ботинки я тоже промочил. Конечно, у меня имелась запасная пара, но и её хватило бы ненадолго в прогулках по грязи и лужам.—Шляпа!—мысленно выругал я себя. Надо же было догадаться и купить в городе резиновые сапоги! Теперь в награду за оплошность ничего не оставалось, как сидеть дома, ждать у моря погоды и по-ребячьи причитать: «Дождик, дождик, перестань!»

Ольга Михайловна, узнав, что я **очень** доволен своим жильём и ни в чём не нуждаюсь, ушла на работу, предварительно взяв с меня слово, что я буду всё же время от времени навещать её.

Выйдя на балкон, я видел, как она торопливо лавировала на узких, предательски-скользких глиняных перешейках, обходя глубокие лужи.

Отсюда, с балкона, открывался прекрасный вид на всю званцевскую округу. Это был поистине очень удачный наблюдательный пункт. Если в хорошую погоду вооружиться биноклем, то ни одно живое существо не уйдёт от моего надзора.

Теперь требовалось разработать, по возможности, подробный план действий и график моего знакомства с настоящими старожилами посёлка. Прежде всего, конечно, следует навести визиты амбулаторному детскому врачу и директору школы. Они больше других имеют дело с ребятами и, наверное, знают кое-кого из лесных невидимок. Удивительно, что Ольга Михайловна не может называть ни одного имени. Ведь, работая в библиотеке, она всё время находится в большой ребячьей компании. Неужели среди читателей нет лесных невидимок? А что, если посмотреть читательские формуляры? Вдруг да какая-нибудь определённая книга переходит из рук в руки, подтверждая тайную связь невидимок и их содружество! Ну, скажем, «Человек-невидимка» Герберта Уэллса. Ах, как жаль, что я сразу не догадался попросить Ольгу Михайловну посмотреть формуляры!

Ведь, в самом деле, это неплохая идея!

Я уже почувствовал себя Шерлоком Холмсом. Между прочим, интересно было бы представить себе, как бы действовал в моих условиях знаменитый сыщик. Наверно, прибыл бы в Званцево незаметно, тайком, под чужим именем и в чужой одежде, надев парик и наклеив усы и бороду. Никто бы и не подозревал о его приезде. А что сделал я? Я не успел перешагнуть порог этого, ещё совсем незнакомого мне дома, как уже выболтал всё о цели моего приезда. Зачем? Как это глупо! Впрочем, у меня была скрытая надежда получить от хозяйки живой и конкретный отклик на предложенную тему. Напрасный и ошибочный ход! Он ничего мне не дал. Неужели я в самом деле рассчитывал, что хозяйка тотчас «выложит» мне всю историю жизни лесных невидимок? Честное слово, это по меньшей мере наивно! Настенька, по-моему, даже не поняла, о чём я говорю. Подумаешь, интересны ей игры каких-то мальчишек! Вот её тишайший сынок Костя, тот глубокомысленно заморгал своими белобрысыми ресничками. Он, видимо, попытался вникнуть в смысл моего приезда. Мне показалось даже, что он проявил некоторый интерес к моей персоне. Очень жаль! Кто его знает, какой ещё слух разнесёт среди своей мальчишеской братии! Прямо скажу, этот вопрос волновал меня несколько дней. Но потом я успокоился, убедившись в том, что тихоня Костя равнодушен ко всему, кроме ловли уклеек и пескарей.

К утру следующего дня погода значительно улучшилась. Было сухо и ветрено. По небу чуть ли не со скоростью самолёта пролетали тяжёлые, многослойные, грязные облака. Но направление их полёта уже изменилось. Я посмотрел на хозяйский флюгер — ветер дул с запада. Эти ветры хорошие, они хоть и прохладны, но сухи, устойчивы и тяготеют к ясной погоде.

Мой сон на новоселье был долгим и крепким. Всю ночь дверь на балкон оставалась открытой. Я досыта на-

дышался этим упоительным воздухом и спал как убитый.

Воздух здесь поистине удивительный—вкусный и живительный. Недаром поселковый детский врач называет его «божественным нектаром».

Кстати, о враче. Именно ему, придерживаясь установленного графика, я сделал свой первый визит. Общие фразы, предшествующие знакомству, взаимный обмен любезностями и упоминание о погоде ничего бы не дали любознательному читателю, поэтому я опускаю вступление и перехожу прямо к диалогу по существу вопроса.

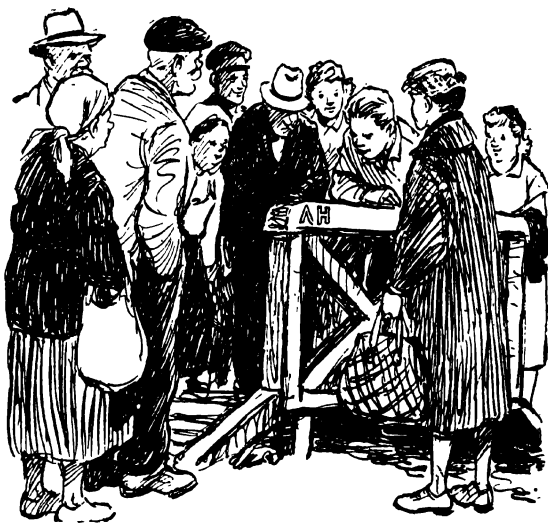
— Ой, что вы! — воскликнул доктор. — Какие тут детские болезни! Если ещё летом какой-нибудь чихалкин-кашлюшкин завезёт из города инфекцию, так она тут копнёт одного, другого и зачахнет. А зимой просто тишь, гладь и божья благодать. Поверьте, я обленился тут...

— Чем вы это объясняете, доктор?

— Резервуар воздуха океанский, сударь мой! Ширь лесная, неоглядная, просторы лугов, ни пылинки... А кроме того, в самой сердцевине эдакого суглинка лежат пласты минеральных целебных солей. Почва очень полезная для здоровья человека.

— Вот как! Скажите, пожалуйста, доктор, неужели никто никогда из ребят не обращался к вам за помощью при ушибах, невольных ранениях? Бывают ведь укушенные собаками, змеями, пчёлами... Тонут иногда... Вот тут, говорят, один мальчугашка... Словом, я хочу вас прямо спросить: не приходилось ли вам встречаться с организованной группой ребят. Ведь вы по роду службы бываете во всех уголках посёлка.

— Эге! Я чувствую, уважаемый, что вас интересуют невидимки. Сегодня вновь их акции поднялись очень высоко.

— Почему именно сегодня?

— А вы ничего не знаете?

— Честное слово, ничего!

— Но вы видели мост?

— Какой мост? Где?

— На станции.

— На станции? Разве там есть река?

— Реки нет... Но мост был крайне необходим. И невидимки его построили.

— Мост на суше?

— Вот именно!

— Зачем?

— В защиту дамских босоножек.

Забыв попрощаться с доктором и не поблагодарив его, я уже мчался во весь дух на станцию.

Недалеко от железнодорожной платформы стояла небольшая толпа народа, сбившись в тесное кольцо. Опустив головы, люди рассматривали то, что было внутри кольца.

Решительным образом я протискался вперёд и вот что увидел: вдоль тропинки, которая вела к станции, был положен горбатый деревянный мостик, сделанный очень аккуратно и, судя по всему, крепкий и устойчивый. Не надо было даже расспрашивать людей, чтобы понять назначение этого мостика. В десяти—пятнадцати метрах от тропинки, на пригорке, в самом центре картофельного поля, находился колодец. Это была обычная ручная водокачка, действующая при помощи

обыкновенного насоса. От частого пользования колодцем с пригорка постоянно стекала на тропинку вода. Два метра тропинки вечно, даже в сухую погоду, были непроходимы из-за воды и грязи. Не каждый мог перепрыгнуть эти два метра. Обходить стороной — значит вытоптать картофельное поле. Особенно страдала от этой непролазной грязи и мокроты лёгкая обувь дачниц.

Я с удовольствием похлопал рукой крепкий и солидный дощатый переплёт мостика. Что-то блеснуло мне, прямо в глаза серебряными зайчиками. Я наклонился над мостиком. В правом углу перекладины, прибитые обойными гвоздями, поблёскивали две буквы, вырезанные из белой жести: «ЛН».

Лесные невидимки поставили свою марку. Это их мост. Другого мнения быть не могло.

В этот же день я побывал у директора школы и встретился с заведующим местным клубом.

К сожалению, они знали не больше того, что знал я. Директор отозвался о большинстве своих ребят с похвалой. Но когда я спросил его — кто из мальчиков особенно искусен в плотничных работах (я рассчитывал, таким образом, узнать имя главного строителя моста), директор не смог сказать ничего определённого. Оказывается, сорок ребят занимались в школьной столярной мастерской. Выделить кого-либо из них не представлялось возможным.

Завклубом, занятый своим хлопотливым культурным хозяйством, вообще не обращал на ребят никакого внимания. Но знает, что контролёрам кино приходится туго в те дни, когда идёт фильм, на который до 16 лет не пускают. Любопытная деталь: на главной улице посёлка есть рекламный щит с афишами клуба. Долгое время этот щит мочили дожди, приводя в полную негодность афиши. Но этой весной какие-то тайные доброжелатели прибили над щитом широкий деревянный козырёк. Между прочим, козырёк был покрашен таким же сочным ультра-

марином, каким написаны и названия званцевских улиц. На козырьке не оказалось «заводской» марки, но для меня было ясно, что это тоже дело рук лесных невидимок.

Таким образом, неуловимые лесные невидимки действовали вокруг меня. А я был слеп и не видел их. Это надо было признать со всей очевидностью.

Как известно, марафонский бег — это состязание в беге по шоссе и дорогам (в естественных условиях) на дистанцию, равную 42 км 195 м. Название «марафонский бег» дано в память древнегреческого воина, прибежавшего в Афины из местечка Марафон, чтобы сообщить о победе греков над персами.

Мне не приходилось участвовать в спортивном марафонском беге, но что касается «марафонских хождений», то, право, я, наверно, давно сдал нормы мастера спорта.

Все эти дни, пользуясь хорошей погодой, я проводил на воздухе. Не было улицы и переулка, рощи и пустьры, где бы я не побывал. Теперь Званцево со всеми своими окраинами было мне знакомо вдоль и поперёк. Я почти не бывал дома. При-

ходил только ночевать. Мои хозяева нещадно журили меня за то, что я совсем не отдыхаю на даче, что я измотался, измучился и похудел.

Два раза в моё отсутствие заходила Ольга Михайловна. Я получил от неё полную назидательности и упрёков записку. Видимо, мои добрые хозяева нажаловались на своего непутёвого жильца.

А что мне оставалось делать? Время шло. Я прожил в Званцеве уже шесть суток. Достиг ли я каких-нибудь результатов в своих поисках? Ничуть! Я ни на одну пядь не приблизился к лесным невидимкам. Печально, но это факт! И нечего утешать себя тем, что и другие находятся в таком же положении. «Другие» не в счёт, они не ищут. А я специально приехал в Званцево. Это надо понимать! Такая досада!

Оставался ещё один ход — расспрашивать поголовно всех званцевских ребят, подкупая их откровенностью какими-нибудь дарами: книжками, конфетами... Но это было уже последнее дело! Впрочем, придётся прибегнуть и к нему, если я потеряю все надежды.

На седьмой день, когда я уже совсем было отчаялся, мне неожиданно повезло. Блуждая по окрестным лесам, я неожиданно для себя натолкнулся на старую полуразрушенную дачу, известную среди местных жителей под названием «Болотный замок». Глухое это было место, унылое и мрачное, вызывающее какую-то безотчётную тревогу и беспокойство. Надо же было построить дом в этом угрюмом чернолесье, на самой окраине болотной поймы, среди непроходимых зарослей крапивы, богульника и каких-то жалких, карликовых ив! Но находку эту можно было назвать подлинной удачей. Вы увидите потом, какую главенствующую роль во всём этом деле сыграл «Болотный замок». Начну с предыстории. Я должен рассказать прежде всего о своих лесных злоключениях: как я попал в «лабиринт заколдованного круга», как леший водил меня по топам и чуть-чуть не утопил в ржавой трясине.

Вы, наверно, помните, что грибки, приехавшие из города, отчаянно плутали по лесу, пока случайно оказавшиеся поблизости вожак невидимок и его товарищ не вывели их из леса. Вспомним, что грибки постигла неудача, вследствие того, что им отказал компас. Стрелка как бешеная вертелась вокруг циферблата, упорно не желая показывать направление на север. На недоуменный вопрос грибника вожак ответил: «Разве вы не слышите, как бьётся пульс этой волшебной земли? Её бездонные недра таят в себе неисчислимые вожделенные и блистательные сокровища!» Не ясно ли теперь, что стрелка компаса металась вследствие магнитной аномалии, о существовании которой невидимки были прекрасно осведомлены. Так не легче ли будет найти невидимок там, где скрыты предполагаемые ими клады? А именно в лесу. Ведь недаром же они называли себя «лесными невидимками»! И Серёжа то очнулся в лесу, в лесном шалаше. Нет сомнения, что база, штаб, стоянка или квартира, — называй, как хочешь, их местопребывание, но оно находится в лесу. Не в посёлке, а в лесу.

И я ушёл в лес.

В моём рюкзаке лежало всё, что необходимо для трёхсуточного туристского похода. На мне была лёгкая одежда и прочная обувь. Папиросы и спички я разделил на две порции и упрятал их в непромокаемые целлофановые мешочки. В один из них я положил и часы, а вместо них на левую руку надел компас, другой — запасный — на правую руку.

Отправляясь в лес, я поставил перед собой задачу — пройти по воображаемому квадрату. Сначала я буду идти два часа на запад, потом почти столько же времени на юг, затем поверну на восток, а в заключение возьму направление точно на север. При этом на каждые два часа перехода я кладу по полчаса на отдых. Таким образом, через восемь с половиной часов я вновь буду на исходной позиции.

Чудный замысел и великолеп-

ный график! Увы! Уже через час от них ничего не осталось.

Во-первых, я попал в малинник. Лакомясь крупной ягодой и исследуя размеры этой вкусной плантации, я невольно отклонился от курса, а когда захотел взять прежнее направление, оказалось, что мне предстоит идти через непролазную, трухлявую чащобу, заваленную к тому же буреломом. Тут и возникло соглашательское решение: к чему лезть напролом! Кому нужны пунктуальность и педантизм? Почему, собственно, я должен идти непременно на запад, не считаясь с обстановкой? А если на пути мне встретится река или озеро?.. Что же, форсируй, плыви, только не теряй курса. Так во мне начала действовать стихия, и я пошёл «на авось».

На компасы я, правда, поглядывал всё время, чтобы не очутиться вдруг в посёлке. Кроме того, меня сильно интересовало поведение магнитных стрелок. На исходе третьего часа пути они затанцевали. Но стоило мне уйти на полкилометра вперёд, как они снова успокоились. Я вернулся назад и взял чуть влево.

Стрелки бесновались. Ясно, что теперь мне надо было действовать по принципу известной игры «холодно—горячо». И я стал искать это «горячо». Оно тащило меня на юго-восток. В одном месте, на неказистой лесной опушке, пляска стрелок стала столь бурной, что я остановился и нетерпеливо топнул ногой по земле, словно надеялся вызвать ослепительные брызги уже готового металла.

Было ясно, что здесь, под землёй, может, совсем недалеко от её поверхности, мощными пластами лежала железная руда. И понятно, что «одиноким пилигримы» так мечтали об экскаваторе и землечерпалке.

Позавтракав и немножко отдохнув, я предпринял разведку мест-

ности, в надежде обнаружить какие-нибудь следы пребывания лесных невидимок, но, кроме остатков когда-то горевшего костра, ничего не обнаружил.

Начав дальнейшее путешествие, я с первых же шагов натолкнулся на непредвиденные осложнения: всё небо оказалось затянуто тучами, и как я ни вглядывался в него, не мог определить, в какой стороне находится солнце. Мои компасы под влиянием сильнейшего притяжения немилосердно вращались. Пришлось пойти наугад. Был расчёт, что в конце концов мне удастся выйти за границы той площади, на которой распространена магнитная аномалия, и тогда мои компасы снова покажут правильный курс. Но не тут-то было! Сделав не более ста метров, я упёрся в топкое болото. Пришлось взять левее. Так я шёл около получаса по лесной кромке, поджимаемый болотом. Оно как бы толкало меня под правую руку и заставляло брать всё левее и левее. Наконец я очутился... на поляне, которая только недавно служила мне местом отдыха.

Можете представить моё удивление! Я пожал плечами и повернул назад. Теперь болото поджимало меня слева. Я шёл по самому краю его, круто заворачивая, словно часовая стрелка по циферблату. Это сравнение будет вполне уместным, если вы узнаете, что ровно через шестьдесят минут, обойдя полный круг слева направо, я... вновь пришёл на злосчастную поляну.

Поистине странная история! Ведь до того, как я попал на эту лесную опушку, окружённую топью, мне ни одного метра не довелось идти по болоту, я всё время шёл лесом.

Однако как же уйти от этого заколдованного места? Как вырваться из круга? Решение, несомненно, одно: форсировать болото в любом направлении — другого выхода нет.

Не стану описывать моих мучений. Весь мокрый, вымазанный ржавой болотной тиной, проваливаясь чуть ли не до пояса в вонючую, засасывающую трясину, я, наконец, выбрался на сухое место. Целых два часа пришлось прошлёпать по этой изнурительной топи. Осмотрев свои компасы, я обнаружил, что они теперь действуют исправно. Но, увы, этот сам по себе приятный факт не обрадовал меня. Оба компаса настойчиво требовали, чтобы я вновь преодолел эту омерзительную болотную пойму в обратном направлении, потому что мой дом находился там, откуда я только что притащился грязный, мокрый и измученный.

Какой же лукавый, хитроумный и злой лесной насмешник затащил меня сюда? Уж не леший ли? Хорошо, что я в них не верю!

Однако день клонился к вечеру. Требовалось решить — хватит ли у меня сил на обратный путь? Может, лучше разжечь костёр и устроиться на ночёвку? Нет, я решил, пока светло, двигаться по направлению к дому, каких бы трудов это мне ни стоило.

Уже совсем стемнело, когда я набрёл на поломанную загородку, служившую когда-то, по-видимому, основой забора.

В глубине поросшей молодыми ёлками и сосняком площадки чернело какое-то здание. Было ли оно обитаемо или нет — безразлично: я решил всё равно заночевать здесь. От смертельной усталости ноги отказывались двигаться, кроме того, после хождения по болоту одежда моя не просохла, и я продрог.

Приблизившись к дому, я увидел, что он совсем обветшал от старости и полуразрушен. Верхняя открытая веранда, поддерживаемая лишь с одной стороны деревянной колоннадой, угрожающе нависла над крыльцом. Проемы окон чернели безглазыми впадинами. Застеклёнными оказались лишь два окна во втором этаже. Над черепичной, в плешинах, крышей возвышалась высокая покосившаяся башня, напоминавшая пожарную каланчу.

Я достал из рюкзака электрический фонарь—«жужелицу». Но едва успел нажать два раза на рычаг, как всё в доме задрожало, загрохотало, засвистело. Скрипучее, визгливое эхо понеслось по округе. Тени каких-то чёрных огромных птиц, свистя крыльями и чуть не задевая лицо, заметались над моей головой.

Оледенев от страха, я выронил рюкзак и «жужелицу» и присел на корточки у крыльца, закрыв голову руками, опасаясь нападения неизвестных воздушных чудовищ.

Но прежде чем я понял, что это всего-навсего летучие мыши, вокруг меня вновь воцарилась полная тишина.

Я пошарил рукой в траве и, найдя «жужелицу», несколько раз осветил крыльцо, предусмотрительно закрыв голову рюкзаком. Никто не вылетел на свет. Я поднялся и по скрипучим ступенькам вошёл в дом.

Лестница на второй этаж находилась внутри дома. Первый этаж,

в окнах которого не было даже рам, не прельщал меня, тем более, что я продрог и мне необходимо было согреться.

Крутая винтообразная лестница пела, скрипела и взвизгивала под моими ногами. Площадка и небольшая прихожая наверху были пусты. Сюда выходили три двери. Наугад я открыл одну из них. Мой фонарик осветил довольно просторную комнату с двумя застеклёнными окнами. Видимо, их я и видел со двора. Комната имела явно жилой вид. Первое, что я почувствовал, войдя в комнату, — это тепло, которое шло от недавно вытопленной круглой печки, и сильный запах столярного клея. Меблировка комнаты состояла из кухонного стола и садовой скамейки. На полу лежал большой ворох свежего, видно, убранного только сегодня, душистого сена.

Я повалился на эту ароматную кучу, закопался в ней и тотчас уснул.

Ночью сквозь сон мне слышался шум качающихся на сильном ветру деревьев. Позже к этому шуму присоединились паровозные гудки и гул колёс. Это меня и разбудило. В окно глядело яркое солнце. Видно, за окном был сильный циклонный ветер, потому что солнечный свет то ярко заливал комнату, то вдруг уходил из неё.

Я открыл окно, и сразу, будто перекинутые эхом, ко мне по ветру прилетели звуки отдалённого человеческого жилья: крики петухов, кулаханье кур и собачий лай. Где-то, совсем уж близко, мычала корова.

Понятно, что вечером я не мог ничего этого слышать — не было благоприятного ветра. За ночь он переменялся.

Однако что же это за посёлок такой или деревня вблизи моего случайного ночлега? Где я нахожусь? Что за дом?

Осмотрев смежные, совершенно запущенные комнаты, я вернулся в свою «спальню» и, развязав рюкзак, как следует позавтракал. Чай в термосе был ещё совсем горячий. Затем, закури́в, я спустился вниз. Первый этаж поразил меня ра-

достными открытиями. В одной из комнат я обнаружил внушительный верстак, а в ящике под ним два рубанка, долото, стамески и миниатюрную ножовку. Тут же на полу стояла открытая восьмисотграммовая банка ультрамарина, а рядом с ней в банке с водой торчал черенок плоской малярной кисти — флейца. На верстаке, выкрашенные ультрамарином, сохли, пахли свежей краской три фанерных ящика для писем и газет. Здесь же лежали заготовки для других ящиков.

Я собрался уже было уходить, как вдруг на стене комнаты заиграл солнечный зайчик. Зеркало? Нет, это был кусочек белой жести, брошенный среди стружек в угол комнаты. Я поднял его.

Внизу, в правом углу, были вырезаны две такие знакомые мне буквы. Я видел эту фабричную марку на мостике, построенном «лесными невидимками» у станционной водокачки.

Порывшись в куче стружек, я извлёк ещё один сюрприз — прямоугольную деревянную дощечку, покрытую белой эмалевой краской. Такие дощечки с названиями улиц висели на званцевских заборах.

Так вот куда привёл меня счастливый случай! Я нахожусь в производственных мастерских «лесных не-

видимок». Отлично! Теперь-то мне удастся их поймать! Я устрою постоянное наблюдение за этим домом. Я сам стану невидимкой, но выслежу всех, всех до единого. Никто теперь не уйдёт от меня, не скроется!

Оставив всё в таком положении, в каком оно находилось до моего прихода, я быстро собрал свои вещи, перекинул через плечо рюкзак и поскорей оставил «фабрику невидимок».

Посёлок находился недалеко. Вскоре я вышел на одну из окраинных улиц и сразу признал ставшее мне таким знакомым Званцево.

По случаю воскресенья мой хозяин Иван Петрович был дома и мастерила книжную полочку.

Увидев, что Настеньки нет дома, я сразу приступил к расспросам о доме, в котором провёл ночь. (О ночлеге там я умолчал).

— А! «Болотный замок»! — понимающе кивнул головой Иван Петрович и нахмурился. — Неприятное место! Не ходим мы туда никогда. А история такова. Дом построен ещё до революции одним царским чиновником, неким Краузе. Во время оккупации Званцева Краузе служил у немцев. Ну, одним словом, предатель. Партизаны его изловили, расстреляли и бросили в болотную яму. А сверху памятный кол вбили. Говорят, этот кол и поныне торчит. С тех пор «Болотный замок» брошен. Никто и на дрова-то его брать не хочет.

Я стал рассказывать Ивану Петровичу о своих лесных приключениях, и мне показалось, что в саду кто-то вертится, словно пытается заглянуть в комнату. Выглянув в окно, я никого не увидел. Только хозяйский сын Костя копал в огороде червей.

— Здравствуй, Костя! — окликнул я его. — Как поживают караси и щуки?

— Здравствуйте! — ответил он не оборачиваясь, занятый своим делом, и добавил, как мне показалось, совсем мрачно: — Не клюют!

Я уже знал, что вытянуть его на разговор — дело совсем бесполезное.

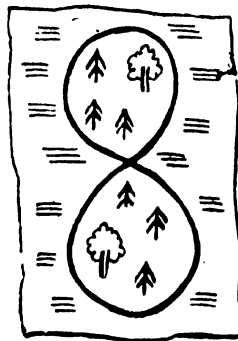
Хотя я и порядком устал за про-

шедшие сутки, но всё же решил перед обедом немного пройтись по посёлку. Меня занимал вопрос: какие ящики для писем и газет висят на званцевских дачах? Нет ли среди них ультрамариновых? Но, пройдя несколько улиц, я не встретил ни одного образца из виденных мною в «Болотном замке».

Дома меня ожидал сюрприз. У потолка моей комнаты болтался розовый воздушный шарик. К нитке была привязана свёрнутая в трубочку тонкая бумажка. Я развернул её.

«Искать нас бесполезно. «ЛН».

Вот что было написано на бумажке. Внизу, украшенная топографическими знаками, красовалась загадочная восьмёрка.

Как попал ко мне этот воздушный шарик? Ведь дверь комнаты во время моего отсутствия оставалась всё время закрытой на ключ. На балкон без приставной лестницы не проникнуть. Да никто бы из невидимок и не рискнул на это, зная, что хозяева находятся в доме!

Стало быть, невидимки не случайно назвали себя «невидимками». Их действительно никто не может увидеть. Вероятно, они находятся всё время рядом со мной, следят за каждым моим шагом. Доказательство этому — полученная записка.

Вечером я долго сидел на балконе, продумывая план, как лучше и незаметнее организовать засаду на «фабрике невидимок» в «Болотном

замке», как перехитрить маленьких хитрецов.

Было темно и тихо кругом. Уже собираясь спать, я услышал вдруг в саду приглушённые голоса. Кто-то спросил:

— Алло! Зекс?

Другой голос ответил:

— Есть, зекс!

— Операция черепаха завтра в десять ноль-ноль.

— Есть! Принято!

И голоса затихли. Я услышал лёгкий шелест кустов и тотчас же выглянул в сад, но, конечно, в темноте ничего не увидел.

Вернувшись в комнату, я зажёл свет и записал в блокнот услышанный разговор. Потом достал письмо невидимок и стал думать и гадать над тем, что означает присланная мне загадочная восьмёрка?

(Окончание следует)

Г д е т у р и с т ы ?

(Загадочная картинка А. Илючека)

Уж полдень... Близится обед,
А путешественников нет!
Походный кок в большой тревоге:
Где пятеро его друзей
И Жучка — друг четвероногий?
Давайте их искать скорей!

В добрый путь!

От школы до леса — рукой подать. Выдастся у Серёжи свободный часок — он сразу туда. Ходит, смотрит, слушает. А ведь лес-то живой. То раскроет такую красоту, что хоть картину пиши, то вдруг начнёт нащёптывать что-то прямо над ухом. А то разольётся птичьими трелями, зазвенит музыкой, да ещё какой замечательной! Как передать эту красоту? Как рассказать о ней?

«В стихах. Только в стихах!» — решил Серёжа.

Ранней весной 1954 года почта доставила в редакцию «Ленинских искр» объёмистую тетрадь, всю исписанную мелкими буквами, собранными в коротенькие ровные строчки. Стихов было так много, что ответить на них в письме было очень трудно, и Серёжу пригласили в редакцию. Юный поэт приехал из Кингисеппа, и начался разговор о стихах.

— Любишь природу? — спросили его.

— Очень люблю.

— А как пишешь о ней? Плохо пишешь. Вот твоё строчка: «Сиж, люблюсь на природу». А природы-то самой и нет. Слова есть, а картины нет. Прочитаешь, а не увидишь, не почувствуешь. О природе надо писать так, чтобы прочёл твои стихи читатель и сам увидел то, что видел ты; прочёл художник — и картину по твоим стихам нарисовал.

Писать так оказалось очень трудно. Но любовь к природе поддерживала упорство в труде. Серёжа писал, зачёркивал, переписывал снова, искал самые нужные, самые звучные, точные слова. И первое стихотворение получилось.

Оно было очень коротеньким — всего восемь строчек и рассказывало о неутомимом лесном работнике — муравье. Стихотворение напечатали в «Ленинских искрах», а Серёжа продолжал писать и писать. В тот год он закончил шестой класс и всё лето посвятил стихам.

Письма из Кингисеппа в редакцию стали приходить чаще, а Серёжины стихи становились лучше и лучше. Случалось, конечно, что не всегда они были хороши, но на критику, даже самую суровую, Серёжа не обижался, неудачные стихи переделывал до тех пор, пока они не становились по-настоящему хорошими.

Постепенно от стихов о природе он перешёл к другим темам. Ведь так много интересного вокруг! Серёжа работал на картофельном поле — писал о нём, сколачивал домики для птиц — писал о пернатых друзьях, ходил с товарищами в поход — рассказывал в стихах о друзьях.

В его стихах появились герои. Чаще всего это были смелые, задиристые ребята, прыгающие в воду с вышки, спасающие колхозное зерно из горящего амбара, готовые всегда прийти на помощь другу.

Вскоре победитель в конкурсе юных поэтов, проводимом редакцией «Ленинских искр», Сергей Макаров за свои стихи и за активную работу в школьной комсомольской организации был награждён Почётной грамотой ЦК ВЛКСМ.

Пять лет на страницах «Ленинских искр» и в «Искорке» печатались стихи и заметки деткора Серёжи Макарова. Вырос деткор, стал взрослым. Идёт он в большую и радостную жизнь, полную труда. Идёт с хорошей мечтой. Он и сам об этом пишет:

*Мечты заветные
Задорной юности,
Вы в жизнь уходите
За мною вслед,*

*Теплом согрете
В минуту трудности,
И сколько ж много вас
В семнадцать лет!*

Вот на пороге в жизнь Серёжи Макарова мы и решили познакомить наших читателей с его стихами. Пусть они скажут поэту:

— Иди, Серёжа, вперёд! Учись, работай, но, смотри, не зазнавайся! В добрый путь!

Комсомолец

Я шагаю вдоль околиц
В небольшом посёлке нашем.
Я сегодня комсомолец
С десятиминутным стажем.

Сердце бьётся непривычно.
Что ты, сердце, так забилося?
Это значит: в жизни личной
Очень важное случилось.

У газетного киоска,
Где бываю я нередко,
С поздравлением берёзка
Мне навстречу тянет ветки.

Что мне сделать для Отчизны?
Окрылён мечтою гордой,
Я пройду дорогой жизни
И приду, я знаю твёрдо,
Коммунистом к коммунизму!

*Здесь легли навеки
два бойца
За живые радости земли.
Две багряных розы —
их сердца —
На могиле летом расцвели.
Пионеры, проходя, салют.
Розам, словно флагу, отдают.*

С л о в о к д р у г у

*Нет, я сегодня не теряю друга —
Расстанемся, но встретимся опять.
Мы едем в жизнь, и первая разлука
Решила нашу дружбу испытать.
Нас ждёт с тобою трудовая школа,
Все горечи и радости тая:
С путёвками райкома комсомола
Разъедемся в далёкие края.
Взгрустнём, быть может, о селе любимом,
Но только в этом нет большой беды:
Весной и сад окутан горьким дымом,
Чтоб слаще были осенью плоды.*

М Е Т Е Л Ь

К нам в село на рассвете
Постучалась метель.
Разбуянился ветер —
Двери тянет с петель,
С треском рушит навесы
И, ослабив разгон,
Снеговою завесой
Прикрывается он.
В трубах сдавленно плачет,
Словно чувствуя страх,
И скулит по-собачьи
По селу в проводах...
Против этого ветра,
Что замёл все пути,
В школу два километра
Нам с друзьями идти.

Чуть дорога синееет,
Машет ветками ель...
Все мы вместе сильнее,
Чем любая метель!

В трудную минуту

*Изменил в беде мне лучший друг,
Нашей старой дружбы не жалея.
Отвернулся молча. Стало вдруг
Почему-то вдвое тяжелее.
В трудную минуту не помог!
'А ведь много ль надо мне? Не скрою:
Просто посочувствовать бы мог —
Стало бы тогда мне легче вдвое.*

Подснежники

В низинке у леса, где тихий ручей
Серебряной змейкой ползёт меж камней,
Где белые камни усеяли горку,
Весна обронила подснежников горстку.
Под ветрами синью на горке цветут,
Как будто бы небо разбрызгано тут.

Я очень люблю их, заманчиво-синих,
Пусть нежных на взгляд, но выносливых,
сильных!

Их ночью сжимает коварный мороз,
Стоят они в бисерных бусинках рос,
И долгую зиму ютятся под снегом,
Чтоб солнце увидеть,
Чтоб встретиться с небом!

НА ПРОГУЛКЕ

По главной аллее нового парка,
Меж тополями юными,
Слепому мужчине вела овчарка,
Собака с глазами умными.
Цепочку она не рвала из рук,
Вела осторожно, плавно...
Я рядом шагал — и замер вдруг:

По той же аллее главной
Навстречу, от серых кустов
малины,
Блестя волосами русыми,
Слепую собаку вёл мужчина,
С глазами добрыми, грустными.

Если ты дружишь с песней...

Слова П. Кобракова

1. Ярко озарённое
солнцем зная
Ветерок колышет, теребя.
Родина-Отчизна
гордится нами
И о нас заботится, любя.
Привев:
Если ты дружишь
с песней,
Если любишь ты свой
край,
Так шагай веселее, }
С нами вместе } 2 раза.
Запевай!
2. Наши будни с песнями
и делами
Мы не забываем никогда.

Музыка А. Мирецкого

- Где бы ни шагали мы, —
перед нами
Светлый путь учёбы
и труда.
- Привев.
3. Светлыми дорогами
манят дали,
Много дел придётся нам
свершить.
Если пионерами нас
назвали, —
Будем званьем этим
дорожить!
- Привев.

(Ноты см. на 2-й странице обложки)

Четыре рассказа о лошадях

Серко

СЧИТАЕТСЯ, что дрессированную лошадь можно увидеть только в цирке. Но ведь и в быту конь, выполняя свою работу, часто проявляет элементы дрессировки. Только люди не замечают этого, потому что считают обычным. К тому же разные удивительные «навыки» рабочих лошадей не подчёркиваются яркостью красок, которые дополняют всякое зрелище в цирке.

Вот, скажем, в царской России на коне вспахивались все посевные земли. Рабочий конь шагал по борозде, никуда не сворачивая. И недаром о нём до сих пор осталась в народе поговорка: «Старый конь борозды не испортит».

Дойдя до конца полосы, лошадь сама поворачивала обратно и снова, напрягая все силы, тянула тяжёлый плуг или соху. Это была, по сути дела, та же дрессировка, основанная на условных рефлексах, что и в цирке. Но о рефлексах рабочего коня никто тогда не говорил и коню за его работу никто не аплодировал.

Вот картинка, которую я наблюдал в Петербурге в те времена, когда ещё не было трамваев, а по улицам ходила конка.

...В синем извозничьем армяке с

длинными, много длиннее рук, рукавами, подпоясанный ремённым поясом, за который был заткнут большой кнут, не торопясь шагал по падали мальчик-подросток. Он только что вышел из мелочной лавки, где, видимо, купил краюху полубелого хлеба и теперь на ходу жадно её уплетал. По всему облику это был паренёк, приехавший из глухой деревни на заработки в город и работающий так называемым форейтором конки.

— Но-но, не косись, Серко, оставлю и тебе! — грубым голосом, явно подражая взрослому мужику, произнёс мальчик.

Тут только я увидел, что по дороге, никем не управляемая, одна, шагала большая серая лошадь с закинутыми ей на спину кожаными постромками. Она действительно косилась на мальчика и забавно шевелила своими мягкими губами.

По сравнению с мальчиком, Серко был громадным, а по усталому шагу коня, его «изношенным» ногам и по его вообще понурому виду можно было сказать, что он уже не молод и много поработал на своём веку.

Серко шёл посередине улицы, рядом с рельсами. Дойдя до поворота, он повернул по Глазовой направо и

против дома № 40 без всяких приказаний своего хозяина свернул влево и зашагал по широкой мостовой Звенигородской улицы. На углу этой улицы мальчик с кнутом задержался, рассматривая витрину бакалейной лавочки. Проходившие мимо два гимназиста толкнули его и надвинули пареньку на глаза его большую шапку. Пока мальчик поправлял её и грозил кнутом вдогонку своим обидчикам, Серко уже скрылся из виду.

Но куда же прошествовал этот «самостоятельный» конь? Почему не спешит догнать его форейтор?

Обогнув типографию «Голике» (теперь она называется типографией имени Ивана Фёдорова) и пройдя дальше, Серко остановился у разъезда рельсовых путей. Потом медленно повернулся в обратную сторону и застыл неподвижно.

Наконец появился и мальчик. Метрах в пятидесяти от коня он сел на тумбу, вынул из-за пазухи пачку старых конфетных фантиков и стал с увлечением их рассматривать.

Серко стоял неподвижно, как статуя.

Но вот вдали, со стороны Загородного проспекта, задребезжала колёсами конка. Аккуратно водворив свои фантики за пазуху, мальчик направился к лошади. Он угостил коня недоеденной коркой хлеба, взял в руки вожжи и, сняв со спины Серко железный валёк с постромками, стал ждать приближения конки.

Когда лошади поравнялись с Серко, тот без понуканий тронулся вместе с ними. Его хозяин ловким привычным движением накинуд валёк на крюк конки и на ходу вскочил на ступеньки передней площадки.

Посвистывая и щёлкая кнутом, он погонял Серко.

Серко сначала бойкой рысью, потом вскачь помогал лошадям конки одолеть крутой поворот в гору. Галопом скакал он до Андреевского моста, здесь замедлял движение, форейтор на ходу отпрягал его — и оба снова направлялись назад, к разъезду.

Мальчик, как всегда, шёл по па-

нели, останавливаясь у разносчиков и разговаривая с ними. А конь, снова никем не управляемый, как будто гордясь только что выполненной работой, спокойно и важно шагал по середине улицы, не обращая внимания ни на встречных лошадей, ни на крики и свист хотевших испугать его озорных мальчишек, ни на заманчиво протянутые ему прохожими куски сахара или хлеба.

И если дорогу ему пересекал обоз ломовиков, Серко, терпеливо переждав, по-прежнему продолжал путь к разъезду. Дойдя до него, конь поворачивался, встав, как всегда, справа по ходу движения конки, и застыл неподвижно, ожидая её, чтобы снова помочь уставшим лошадям втащить на гору тяжёлый, заполненный пассажирами вагон.

И так продолжалось в течение всего двенадцатичасового рабочего дня.

Это ли не дрессировка?!

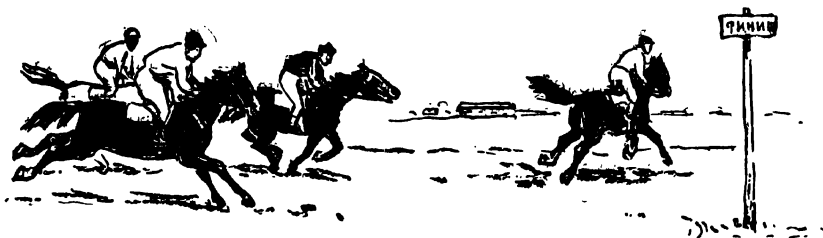
Незаслуженный удар

БУЦЕФАЛ был сильным и резвым конём, настоящим стайером, способным скакать без устали на длинную дистанцию. На нём я участвовал в пробеге Ленинград—Москва и выиграл много призов на других состязаниях. За время выучки Буцефала я его никогда не наказывал, да он и не терпел грубого обращения. Он всегда очень старался, и лучшим средством побуждать его к работе — был голос человека.

Этот голос бодрил лошадь. Заслышав его, Буцефал смелее шёл на препятствия, прибавлял скорость в скачке. И если конь, попав в непривычную обстановку, пугался её, то лучше всего его мог успокоить опять-таки голос. Несмотря на свою большую физическую силу, Буцефал был доверчив и послушен.

Однажды я участвовал на нём в двухкилометровой скачке.

В назначенное время на ипподроме был дан старт. Спокойный Буцефал, не успев выравняться, принял старт последним. И конь и я сразу же очутились в невыгодном положе-

нии: из-под копыт скачущих впереди лошадей нам в глаза летели мелкие камешки и песок. Буцефал стал сбавлять ход, да и сам я, отворачивая в сторону лицо, машинально сдерживал коня.

Соперники ушли от нас далеко вперёд.

Так незаметно для меня прошла первая половина скачки. Чувствуя, что Буцефал не растратил своих сил, я, когда мы вышли на прямую, отдал ему повод, и он с лёгкостью стал догонять ушедших. Расстояние между мною и скачущими впереди стало сокращаться.

А Буцефал мчался всё быстрее и быстрее. Вот уже наши соперники совсем близко — так, что галька снова осыпает ему голову. Однако Буцефал не сбавил хода и обогнал скачущих лошадей.

До финиша оставалось не более пяти метров. И тут я, чтобы выслать коня ещё больше вперёд, зачем-то сильно ударил его хлыстом.

Буцефал первым прошёл финиш. Но, и пройдя его, он не сбавил хода, а, видимо, опасаясь второго удара хлыстом, круто свернул с дорожки к середине ипподрома. Я соскочил с коня и повёл его за повод.

Буцефал храпел, недоверчиво косился на меня. И я подметил, что он не только сильно возбуждён после скачки, но и обижен ударом, нанесённым ему впервые, и так незаслуженно.

Возвращаясь с ипподрома домой, я чувствовал себя виноватым перед конём. Ведь и в самом деле я напрасно ударил хлыстом Буцефала — он и без этого стал бы победителем.

Мне захотелось загладить свою вину перед конём. Я хлопал и гладил его по шее, а приехав в конюшню, дал ему хлеба и сахара. Расти-

рая Буцефалу спину и ноги, я говорил ласковые слова и хвалил его.

Но конь угрюмо стоял, уткнувшись головою в кормушку, и я не мог понять — устал ли он сильно или был обижен на меня так глубоко.

Впоследствии Буцефал не раз участвовал в состязаниях. Он стал приёмистее и лучше брать старт, часто был жожаком в скачке и на всей дистанции скакал впереди остальных. Но победу на нём уже никто никогда не одерживал. Каждый раз за несколько метров до финиша Буцефал резко сворачивал через бровку влево. Видимо, конь вспоминал нанесённый ему на этом месте незаслуженный удар!

«С и м у л я н т к а»

У МЕНЯ была очень красивая и изящная кобыла по имени Бельбетт — энергичная, необыкновенно подвижная и гибкая, но немного пугливая. Правда, пугливость её была несколько деланной. Порой создавалось впечатление, что она умышленно ищет случая испугаться и «подыграть». Это был даже не порок, а скорее её особенность, с которой можно было мириться.

Бельбетт и впрямь была очень нервной и часто пугалась по-настоящему. Хорошо мною выезженная, она могла очень красиво и гордо держаться в строю. Но стоило из-под ног её вспорхнуть воробушку, как она просто теряла голову и долго не приходила в себя, как будто встретилась с хищным зверем. Много требовалось времени и терпения, чтобы снова привести Бельбетт в нормальное состояние.

Кроме того, она была очень изнежена воспитанием и не терпела никаких неудобств и неприятностей, часто встречающихся на работе.

Однажды Бельбетт наступила ногой на камушек и захромала. Заметив это, я сошёл с неё и поставил лошадь в конюшню, дал сена. Через полчаса вывожу Бельбетт на двор, чтобы проверить её хромоту. Бельбетт не хромала.

На второй день я снова выехал на ней в манеж. Всё обстояло прекрасно, пока... дело не дошло до трудного упражнения. Бельбетт захромала снова. Пожалев лошадь, я снова слез с неё и поставил в конюшню, дав, как всегда, сена. Что же вы думаете? Хромота у моей Бельбетт мгновенно исчезла!

Хромать на работе перед каждым трудным упражнением вошло у хитрой лошади в привычку. Это стало известно не только мне, но и моим товарищам, которые смеялись над уловками Бельбетт и советовали мне проучить её за симуляцию.

И вот, выехав как-то раз в манеж, я начал обычную работу. Бельбетт легко и охотно ходила подо мной, но с началом трудного упражнения, как всегда, захромала. Желая проучить симулянтку, я ударил её по «заболевшей» ноге хлыстом. Случилось совершенно невообразимое: Бельбетт тотчас же перестала хромать на эту ногу и... захромала на другую!

Видимо, лошадь поняла, что если она захромает, то работа её прекра-

щается. А за этим следует приятный отдых на конюшне и вкусное угощение — сено. Словом, выработался у неё особый «рефлекс симуляции», как, смеясь, называли мы его.

Так и закрепилось за Бельбетт малопочётное звание «симулянтки». Но был уже и совсем возмутительный случай, когда однажды «симулянтка» захромала на тактическом выезде в поле. Пересев на другую лошадь, я отправил Бельбетт домой с коноводом. Ну, как и следовало ожидать, вернувшись с учения и зайдя в конюшню, я увидел свою «находчивую» кобылу совершенно здоровой. Коновод доложил мне, что хромать она перестала сразу же, как только он отправился на ней к дому.

После этого случая Бельбетт получила у нас в части звание «злостной симулянтки» и была известна под этим именем всем моим сослуживцам.

Однажды я ехал на ней на полевой поездке.

Дорога шла густым, красивым лесом. От лагеря мы были уже далеко. Поездка длилась более часа, и я стал уже удивляться тому, что Бельбетт так долго не прибегает к своей излюбленной уловке. Но размышлять об этом мне пришлось недолго. Как только я свернул с дороги, по которой обычно возвращался домой, Бельбетт захромала.

Тогда, вместо того чтобы спешиться и вести её домой в поводу, как это делал раньше, я рассердился и, желая проучить хитрую лошадь, энергично выслал её в галоп.

Впереди расстилалась ровная ярко-зелёная лужайка. Не обращая внимания на хромоту Бельбетт, я скакал, высылая лошадь всё сильнее вперёд.

И вдруг под ногами лошади слышался плеск, затем сверху, как при взрыве, взлетели густые комья и брызги чёрной грязи, — и Бельбетт всем корпусом погрузилась в густую, вязкую болотистую массу.

Зелёная лужайка оказалась болотом!

Инстинктивно подняв вверх ноги, я с силой оттолкнулся ими о переднюю луку и, сделав решительный прыжок вперёд, выбрался на сухую тропинку. Бельбетт осталась в болоте одна и медленно увязала в нём.

После каждой попытки выбраться из болота лошадь погружалась в него всё больше и больше.

Я не мог помочь бедняге, так как подойти к ней не было никакой возможности. Да и не под силу мне было бы одному вытянуть её.

Обессилев окончательно, Бельбетт перестала биться. Теперь мне видна была только одна её голова. Она смотрела на меня и широко раздувала свои мягкие ноздри, как будто пытаясь заржать.

До ближайшего хутора было не менее двух километров. Я бросился бежать туда за людьми, хоть и не надеялся, что помощь подоспеет вовремя.

Я пробежал уже шагов сто, как вдруг позади меня раздалось сначала несколько сильных всплесков, потом послышалось чавканье грязи, глухой топот, треск ломающихся сушьев и звонкое ржанье.

Оглянувшись назад, я увидел, как из болота сильными прыжками, ломая на пути кусты и напрягая все свои силы, выскакивала Бельбетт! Вся в чёрной блестящей, маслянистой грязи она была неузнаваема. Дрожа всем корпусом, лошадь прижималась ко мне, пачкая меня грязью.

Сесть на такую перемазанную и измученную Бельбетт я, конечно, не мог. Лесными тропинками, чтобы не встретить людей, я довел её до ко-

нюшни, где дневальные были немало удивлены нашим видом.

После этого происшествия Бельбетт уже никогда не хромала на работе. Я выступал на ней в Ленинградском цирке, и даже во время выполнения самых трудных, требующих большого усилия, упражнений она не делала попытки обмануть меня своей хромотой.

Видимо, печальный случай на болоте заставил «изобретательную» лошадь навсегда отказаться от симуляции.

З а б и я к а

ЦОЦО, избалованный и сзорный жеребец, был очень хорош собою и наряден. Впрочем, его большие чёрные глаза многих пугали. Но он был не злой, хотя, шутя и балуясь, мог разорвать человеку одежду и даже откусить палец.

Кроме того, Цоцо оказался большим лакомкой и за кусочек сахара был готов исполнить что угодно.

Он не сводил глаз с моей руки, когда я доставал из своего кармана очередное угощение. И если я медлил, то конь сам лез мордой мне в карман, и не приходилось удивляться, если часть моих рейтуз оставалась у него в зубах.

Однажды, 1 Мая, в ожидании праздничного парада, на углу Невского, против Адмиралтейства, мой коновод нагнулся и поднял переднюю ногу жеребца, чтобы проверить ковку. Цоцо схватил его зубами за галифе и так разорвал их, что коновод не только не мог участвовать в параде, но и добраться пешком до казарм.

Мне приходилось выступать с Цоцо и на спортивных соревнованиях и в цирке. В одной цирковой программе, где я участвовал, выступал тогда иностранец-дрессировщик М. со слоном.

Цоцо вначале немного побаивался слона. Однажды, на репетиции, дрессировщик велел своему слону угостить Цоцо морковкой. Получив морковку, жеребец осмелел и подошёл

к великану почти вплотную. Слон, хоть и без особого желания, всё же передал ему почти всю морковь.

Но вот когда в корзинке остался последний кусочек, дрессировщик разрешил съесть его слону.

Тот сразу же положил морковку жоботом себе в рот. Цоцо, заметив, что его новый знакомец куда-то спрятал морковку, поднялся на дыбы и схватил слона за его большое ухо, которое, видимо, принял за карман.

От боли слон только головой замотал. Пришлось нам броситься на помощь и силой оттянуть забияку от добродушного великана.

За свои проделки Цоцо обычно не получал от меня наказания. Дело в том, что запоздалое наказание бесполезно, наказывать кусаку надо именно в тот момент, когда он собирается укусить. Но такой момент я всегда упускал.

И всё-таки однажды Цоцо получил за свои шалости справедливое и, главное, своевременное возмездие. Произошло это самым неожиданным образом и не по моей воле.

На конюшне у нас жила небольшая кошечка. Звали её нежным именем «Киса Мура». И хоть она была совсем миниатюрной, но славилась как хороший крысолов. Исполняя свои обязанности, она совсем не боялась лошадей, ходила у них под ногами, а если требовалось, то залезала и в кормушку.

Однажды «Киса Мура» сидела на какой-то доске, лежавшей на кормушке (в конюшне шёл ремонт). У погладил кошечку и дал ей кусочек сладкой булочки.

Увидев это, Цоцо возмущился и пожелал отнять лакомство у «Кисы Муры». Он сунулся к ней своей мордой, чтобы укусить. Испугавшаяся кошка быстро прыгнула на конец доски — и возмездие состоялось! Второй конец доски подскочил вверх и так больно ударил Цоцо по носу, что он замотал головой.

С тех пор я не помню случая, чтобы наш забияка попытался укусить кого-либо. А к кошкам он стал относиться с большим уважением. Он сторонился их и даже побаивался.

Биография

Друг сказал мне:

— Твой голос не в счёт,
Песню громкую он не споёт,
Потому что в году сорок пятом
Ты в Берлин не входила солдатом,
Потому что ты в юбочке куцой
Не прошла сквозь огонь революций,
Не встречала в застенке рассвет.

У тебя биографии нет!

Я вернулась из школы домой.

Дом меня оглушил тишиной.

Под ногой покачнулся паркет.

У меня биографии нет.

У меня биографии нет?

Я включила над столиком свет,

Пододвинула лампу рывком

И раскрыла семейный альбом...

Вот пыливый мальчишеский

взгляд —

В сорок третьем потерянный брат.

Он в шинель фронтовую одет...

У меня биографии нет?

Пуля вражья, пронзив его тело,

Разве сердце моё не задела?

Разве я не впитала душой

Всё, о чём он мечтал, молодой?

Вот в будёновке звёздной боец —

Это мой незабвенный отец,

Революции верный солдат,

Не ступивший ни шагу назад...

У меня биографии нет?

Я смотрю на отцовский портрет.

Жизнь отца, что, как подвиг, светла,

В грудь мне страстным призывом
вошла.

Всё, за что устремлялся он в бой,

Стало делом моим и судьбой —

Кровным делом,

счастливой судьбой.

В этом жизнь моя, слава и честь!

И покуда храню эту честь,

У меня биография есть!

Рисунки К. Севастьянова

Твёрже стали, легче пробки

ДОЖДЬ идёт! По улицам и площадям несутся стремительные потоки воды. Вода чистая — значит дождь идёт давно. Редкие прохожие стремглав перебегают улицу или, как тигры, бросаются в подходящие автобусы и трамваи. Мокро. Всюду вода: под ногами и над головой. Ручейки и целые водопады низвергаются с зонтов, промокших шляп и кепок. В ботиках хлюпает. А проблеска и не видно. Похоже, что непогода зарядила надолго...

Обычная ленинградская картина. Осень или весна — безразлично. Самым популярным материалом в это мокрое время является резина. Калоши и плащи — в городе, тяжёлые литые сапоги, каждый весом по четыре килограмма, — за городом. Удобно!

Но что это? Посмотрите: в самый сильный дождь из дверей магазина выходит человек. Лёгкая шляпа, светлое пальто нараспашку. Весело напевая, переходит он на другую сторону широкого проспекта и не торопясь шествует по лужам дальше.

Двое студентов, выскочив из подъезда, едва не наткнулись на удивительную фигуру. Остановились, от неожиданности раскрыли рты. Прошла минута, другая, и оба почувствовали, как холодные струйки побежали по спинам. Промокли!!!

А незнакомец в светлом пальто? Мутная пелена дождя почти скрыла его из наших глаз. Дождь, точно рассердившись на дерзкого, припустил ещё сильнее. Человек в светлом пальто вошёл в универмаг, вытер лицо платком, встряхнулся и... моментально высох. Вернее, не высох, а СТАЛ сухим, потому что вода миллионами крошечных бисеринок скатилась с его платья и усеяла пол мокрыми точечками.

«Здорово! — восхитились покупатели и продавцы. — Как с гуся вода». Но прохожий совсем не был похож на эту благородную птицу. Обыкновенный человек в костюме... Вот тут-то и есть вся загвоздка. Костюм и пальто бесстрашного пешехода были сшиты из особой ткани, пропитанной специальным водоотталкивающим составом. Вода скатывалась с него. В таком костюме можно не только гулять под дождём.

В нём спокойно можно на сутки улечься в воду и всё-таки материал останется сухим. А ведь самая плотная ткань — сукно — уже через пятнадцать — двадцать минут хорошего дождика промокает насквозь.

Чем же отличается водоотталкивающая ткань от всех остальных? Чтобы ответить на этот вопрос, давайте обратимся к природе. Каждый из вас, наверное, видел, как весело и

беззаботно плавают и ныряют в речках и озерах утки и гуси. Сколько ни сидят они в воде, выйдут на берег, встряхнутся — и сухие. Происходит это потому, что перья у водоплавающих птиц покрыты тончайшей жировой плёнкой, которая защищает их от намокания.

Так же и в тканях: плёнки новых, водоотталкивающих составов, разработанных химиками, предохраняют материал от влаги.

Составов таких существует несколько. Ими пропитывают не только материалы на костюмы или пальто и плащи, ими можно покрывать обувь, и тогда в таких ботинках бегай по любым лужам, не промокнув и не покоробятся.

А представляете себе, если такими растворами обработать посуду: чашки, тарелки, мисочки разные... Что может быть неприятнее обязанности дома мыть после еды посуду, а потом вытирать её? Особенно, когда на дворе солнышко и ребята давным-давно затеяли весёлую игру. В этом случае водоотталкивающие составы просто незаменимы. Чашки и тарелки достаточно сполоснуть тёплой водой — и они чистые. Чистые и сухие. Ведь к ним не должна приставать вода.

Ну, а если покрыть водоотталкивающим составом стены домов? Особенно это важно для нашего дождливого города. Ведь тогда краска не будет так легко смываться, не потускнеет от непогоды. Светлые, красивые здания долго будут сохранять свежий вид и экономят миллионы народных денег.

В Ленинграде в качестве эксперимента такими составами было покрыто несколько домов и в том числе часть Казанского собора. Прошло время, а окраска этих зданий стойко сопротивляется действию дождя и снега.

Ещё более неоценимую помощь оказали водоотталкивающие составы авиации...

...Глухо режут моторы. Двигатели, надрываясь, с трудом поддерживают отяжелевшую машину на заданной высоте. Кто сказал, что на воздуш-

ной дороге нет ям и ухабов?.. Р-раз — яма! Вторая! Самолёт проваливается, теряет высоту.

Почему же лёгкая серебристая птица стала вдруг тяжёлой и неповоротливой? Причина этому — ЛЕД! При полётах на большой высоте крылья самолётов покрываются толстой ледяной коркой. Машина тяжелеет, теряет управление. Это не один раз приводило к авариям. Тогда учёные изобрели незамерзающую жидкость. Во время полёта она растекается по поверхности крыла, предохраняя от обледенения. Представляете, как всё-таки неудобно летать на самолётах, у которых из крыльев бьют фонтаны незамерзающей жидкости!

И вот крылья стали покрывать водоотталкивающим составом. Он «отталкивает» воду, значит, теперь лёд просто не может образоваться на крыле.

Но что же это за замечательные вещества, из чего они состоят? Кто хорошо знаком с химией, знает, что вещества на земле бывают органические и неорганические. Так вот первые — это как раз те, к которым

принадлежат водоотталкивающие составы. Сюда же, в эту группу, входят пластмассы, синтетические каучуки, искусственные и синтетические волокна, которые мы знаем под разными красивыми названиями: капрон, нейлон, силон и так далее. Все эти вещества — братья. Строятся они, как и любые другие, из молекул. Но молекул особых.

Обычные молекулы состоят из атомов различных химических элементов и в зависимости от количества атомов могут быть больше или меньше. Но даже самые большие с трудом могут быть различимы в самый сильный микроскоп. Другое дело — органические вещества, входящие в состав синтетических материалов. Химики их называют полимерами, от греческого слова «ПОЛИ» — много. Их молекулы — молекулы-гиганты, которые состоят не из атомов, а из тысяч и десятков тысяч молекул, связанных между собой в длинные цепи. Это как бы огромный поезд с тысячами вагонов, нагруженных атомами. Каждый вагон с грузом — обычная молекула.

Получаются такие вещества сложным химическим путём, открытым ещё около ста лет назад замечательным русским химиком Бутлеровым. Долгое время люди не умели изготавливать полимеры. Не умели, да и не знали, честно говоря, на что они могут быть пригодны. Но так было раньше, зато сейчас...

Помните, как написано в учебниках истории: в жизни человечества существовало несколько эпох. На заре развития человеческого общества был КАМЕННЫЙ век. Тогда орудия производства, оружие и утварь первобытные люди делали из камня. Острые осколки вулканических пород служили ножами. Кремнёвые топоры валили вековые деревья. Конечно, чтобы срубить такое дерево, нужен был не один топор. Инструменты тупились, а зачастую и просто ломались на каком-нибудь особенно неподатливом сучке. А сколько труда приходилось вкладывать в изготовление новых!

Но человечество развивалось, накапливало знания. Передавали своё

мастерство из поколения в поколение умельцы. На смену каменному веку пришёл БРОНЗОВЫЙ. Бронзовые мечи и щиты, бронзовые кирки и орала. Изделия из металла превосходили каменные, но и им не хватало прочности.

Со временем люди научились добывать железо, варить из него сталь. Прошло много столетий. Менялись помощники человека по труду. Электричество сменило пар. На наших глазах происходит рождение нового могучего помощника — атома. А по материалам век так и остаётся ЖЕЛЕЗНЫМ. Чем его заменить?

И вот оказалось, что пластические массы ни в чём не уступают металлам. Мало того, по многим показателям они явно превосходят железо и сталь. Наши химики создали пластмассу, не уступающую по прочности металлам, и в то же время она во много раз легче. Самые лёгкие пластмассы почти в восемьсот раз легче стали.

А такой страшный бич металлов, как ржавчина? Пластмассы не боятся её. Днище корабля, покрытое новым веществом, не разрушится под действием морской воды, его не проточат ракушки и водоросли. Трудно перечислить все преимущества, которые имеют пластмассы перед металлами. А главное, они дешёвы и запасы их поистине неисчерпаемы.

В сегодняшней технике новые материалы находят уже широкое применение, но правильное их называть материалами завтрашнего дня, да и не только завтрашнего, а, пожалуй, послезавтрашнего дня техники. Поэтому-то и проявляют Партия и Правительство такую заботу об ускорении развития химической промышленности и особенно производства синтетических материалов.

...На Всесоюзной промышленной выставке в Москве, в павильоне, где выставлены новые марки автомобилей, всегдалюдно. Но в этом году здесь просто не протолкнуться. Внимание посетителей привлекает красивая обтекаемая машина с маркой московского завода «ЗИЛ».

Это опытный спортивный автомобиль с кузовом из пластмассы. Чем же привлекает он внимание любителей автоспорта, кроме внешнего вида? Прежде всего, вес такого кузова в два раза меньше веса металлического. А это означает повышение скорости. Спортивный автомобиль «ЗИЛ» мчится по дорогам, оставляя за собой в час более двухсот километров. Кроме того, такой кузов оказывается и более прочным и долговечным. Он не ржавеет и его ремонт и окраска обходятся значительно дешевле. Да и весь автомобиль будет стоить гораздо дешевле, потому что изготовить кузов из пластмассы гораздо быстрее и проще.

Уже сейчас на автодромах и просто дорогах проходят испытания малолитражных машин с пластмассовыми кузовами самой различной формы. В них не только кузов изготовлен из нового материала. Многие важные и ответственные детали из металла заменены пластмассовыми. Даже сидения — не металлическая рама со стальными пружинами, а лёгкие подушки из пористых пластических масс. Весит такое сидение не более килограмма, а не продавливается значительно дольше пружинного.

Давайте представим себе, что мы на такой машине отправились путешествовать в завтрашний день. Со всем немного, чуть-чуть обогнали мы время. На нашем пути зима. Снег, метель. Мороз не думает шутить, но в машине не холодно. Пластмасса — плохой проводник тепла и не выстывает, как металл. Но промелькнула зима. Снова над головой весеннее яркое солнце. С асфальтового шоссе мы сворачиваем на широкую новую дорогу. Издали кажется, что она укатана щебнем. Покрытие её чуть коричневатое, но шины автомобиля мягко шуршат, не испытывая толчков и тряски. Что такое? Да ведь это пластмассовое покрытие!..

Стойте, стойте! Налево от дороги раскинулись парники и оранжереи пригородного совхоза. Посмотрите, как странно выглядят они! Высокие,

тонкие рамы, кажется, не выдержат тяжести стёкол, да, впрочем, стёкол на них и не видно. Давайте остановимся, выйдем и посмотрим более внимательно. Может быть, мы и здесь встретим знакомых?..

Так и есть. Вместо тяжёлого стекла, задерживающего ультрафиолетовые лучи, парники и теплицы покрыты тонкой плёнкой из высокополимерных материалов. Прозрачная, почти невидимая глазом плёнка просто наброшена на подпорки.

Директор совхоза улыбается. «Спасибо химикам, — говорит он. — Благодаря их трудам устройство парников стало намного проще и дешевле, а урожайность овощей больше».

Но пора дальше, время у нас ограниченное. Несколько поворотов дороги — и перед глазами яркими пятнами вспыхнули крыши посёлка. Что это? Здесь шёл дождь? Такими чистыми и светлыми красками встречают нас дома. Но улицы сухие. Приглядываемся, и с удивлением замечаем, что стены домов облицованы пластмассовыми плитками самых разнообразных цветов и оттенков. Вот уж «вечная» окраска, ничего не скажешь! Из того же материала сделаны и крыши.

Пластические массы, как строительные материалы, стали применяться сравнительно недавно, но рекомендовали себя с лучшей стороны. И вот мы с вами стали свидетелями, как в быт советских людей вошли целые дома из пластмассы.

Давайте осмотрим их более внимательно. Гладкие полы и стены не пропускают ни влаги, ни посторонних шумов. Пластмассовые ванны и умывальники. Широкие окна без переплётов. В некоторых комнатах целые стены представляют собой как бы сплошное окно. Прозрачная пластмасса пропускает ультрафиолетовые лучи солнца. В такой комнате можно загорать, не выезжая летом на пляж.

Наш шофёр остался внизу, у машины. Приоткрыв форточку, мы крикнули ему, чтобы он поднялся к нам полюбоваться чудесами. Шофёр

поднял голову и долго всматривался в окна дома, точно не видел нас. Напрасно машем мы руками за «стеклом» и кричим. Стоящий внизу только удивлённо разводит руками. А рядом смеётся, заливаясь хозяин квартиры, которую мы осматриваем.

— Чудаки, — говорит он, — вас же не видит ваш товарищ! Сквозь это стекло можно смотреть только изнутри. Снаружи ничего не разберёшь. Придётся открыть окно, чтобы показать, где мы находимся.

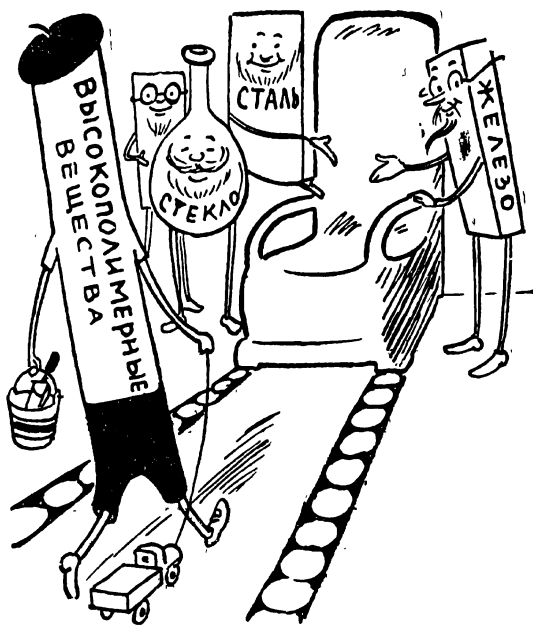
В углу кухни — вместительный белый холодильник. Постучали ногтем по поверхности — пластмасса. Гостеприимный хозяин охотно объяснил его устройство.

Оказалось, что стенки холодильника двойные и между ними проложены пластины пористого материала, называемого «мипора». Мипора очень легка. Тюк этого материала, размерами в целый кубометр, весит всегонавсего пятнадцать—двадцать килограммов. Мипора прекрасный изоляционный материал, его теплопроводность такая же, как и у пробки.

Сквозь открытое окно донёсся сигнал машины. Время нашего пребывания в завтрашнем дне заканчивалось. Пора было возвращаться. Снова широкое шоссе, летят навстречу километры коричневого пластмассового покрытия. Мы выезжаем на асфальтовую дорогу. Всё! Завтрашний день окончился. Мы снова в своём времени.

Многое из того, о чём мы узнали во время нашей поездки, сегодня уже существует. Существует в лабораториях и научно-исследовательских институтах. Пройдёт совсем немного времени и всё это перестанет быть завтрашним днём.

И сегодня есть много таких удивительных применений синтетических веществ, что, на первый взгляд, отказываешься верить своим глазам.

Например синтетические клеи, которые одинаково прочно соединяют дерево и металл.

В Чехословакии на большой выставке в городе Брно посетителям демонстрировали десятиметровый металлический мост, собранный без единой заклёпки, без единого сварного шва. Мост был... склеен синтетическим клеем из высокополимерных составов.

Такой же «клеёный» мост только с пролётом длиной около пятидесяти шести метров построен в Германской Демократической Республике. И по нему ездят гружёные автомашины, самосвалы, ходят люди.

Мы не перечислили и крошечной доли того, что можно делать из полимеров. Изделия из пластмассы и искусственная кожа для сапог и сумочек. Моторные лодки и яхты и прозрачные небьющиеся стёкла.

Поистине, мы с вами живём в удивительное время. Век железа кончается. Вместе с атомом, космическими кораблями в технику властис входят и новые материалы: **высокополимерные органические вещества.**

П Е Т Ь К А

На конюшне пахнет свежим сеном,
Воронок овсом хрустит в углу.
Петька встал с уздечкой на полено:
— Помоги взобраться, не могу...

Посмеявшись, помогли мы другу:
Сам не смог бы — ростом очень мал,
Да к тому же конь, забившись
в угол,
Никого к себе не подпускал.

За ворота выехали шагом.
Кто-то свистнул, гикнул. и —
в галоп.

В Петькиных глазах горит отвага,
Только вдруг
На землю Петька — хлоп.

Мы с трудом коней попридержали,
Слезли, подбегаем:
— Что с тобой?
Может, лучше б мы тебя не брали?
Может, проводить тебя домой?

Пожалели мы его, беднягу:
Нелегко впервые на коне!
— Ладно, Петя, будем ехать шагом.
Он ответил:
— Это не по мне.

И опять о землю бьют копыта,
Вдалеке видна уже река.
И, бровями шевельнув сердито,
Подхлестнул Петруша Воронка.

Воронок не мог стерпеть такого —
Петька еле поднялся с земли,
Захромал,
Но попросил, чтоб снова
Сесть на Вороного помогли.

Рис. В. Адаева

Т р у с

Пьеса в одном действии

Действующие лица:

ГЕРМАН — капитан дворовой футбольной команды.

ВОЛОДЯ
МИША
ЖЕНЯ
СЛАВИК
ПЕТЯ

юные футболисты.

МИТЯ — приехал в город на каникулы.

ДЯДЯ ФЕДЯ — дворник дома.

Двор городского дома. Стол, скамейка, на которой расположились ребята. Герман надувает мяч.

ВОЛОДЯ (*пробует мяч*). У-у-у...
Как камень!

ГЕРМАН. Подожди. Заткни мне уши, чтобы барабанная перепонка не треснула. Сильнее. (*Дует и пробует мяч*). Нормально. Осталось только букет цветов раздобыть. Явимся на поле в полном блеске.

ВОЛОДЯ. Славик, найди гвоздь, шнурок продеть.

СЛАВИК (*достаёт из кармана несколько гвоздей*). На, выбирай любой. (*К Герману*). Гер, а Гер, ну возьми меня в команду?

ГЕРМАН. Ну, кем, кем я тебя возьму?

СЛАВИК. Влатарём.

ГЕРМАН. Смех! Вратарь должен быть высоким, стройным. А ты? Шпингалет...

СЛАВИК. Шпингалет... Я уже давно с дивана до потолка прыгаю и всех влатарей «Динамо» выучил... Возьми, Гер, а Гер?

ВОЛОДЯ. Давай попробуем на один тайм.

ГЕРМАН. Да ты соображаешь, что говоришь? Мы играем с силь-

нейшей командой улицы, а ты шпингалета в ворота ставишь! Как с ним на поле выходить? Позор, стыд! Не команда, а детский сад.

ВОЛОДЯ. На защиту можно поставить.

ГЕРМАН. Кто здесь капитан? Я или ты?

ВОЛОДЯ. Ты.

ГЕРМАН. И разговор окончен... Пусть идёт за ворота мячи подавать. Все знаменитые мастера с этого начинали.

(Вбегает Миша).

МИША. Ребята! Ребята! Новость!

ГЕРМАН. Что такое?

МИША. Валька-Медведь у них играть не будет: ногу подвернул.

ГЕРМАН. Ур-ра!.. (*Спыхватывается*). То есть, караул! Тогда ты, Вова, играй правым краем, а Петя — левым. Отдай ему левую бутсу, а ты ему ботинок. Быстро! (*Ребята переобуваются*).

ГЕРМАН (*Мише*). Они собрались?

МИША. Да давно уже, по воротам стучают.

ГЕРМАН. Бери мяч и беги на поле, скажи, сейчас идём.

(Миша убегает. Входят Женья и Митя).

ЖЕНЯ. Игрока привёл, к соседям из деревни приехал. Знакомьтесь: Митя.

(Все знакомятся).

ГЕРМАН. Откуда приехал?

МИТЯ. Из Земетчина.

ГЕРМАН. В футбол давно играешь?

МИТЯ. С детства.

ГЕРМАН. Кем?

МИТЯ. В воротах стою.

ГЕРМАН. Хорошо?

МИТЯ. Не знаю.

ГЕРМАН. Посмотрим. В ноги бросаться не боишься?

МИТЯ. Когда как...

ГЕРМАН. Проверим... Кто у «Динамо» в воротах стоит? (Митя молчит).

СЛАВИК (шепчет). Яшин... Яшин...

ГЕРМАН. А ты молчи, тебя не спрашивают. (Митя). Эх, ты! Яшина не знаешь. А до него кто стоял? (Митя молчит).

СЛАВИК (шепчет). Хомич... Хомич...

ГЕРМАН. Опять!

СЛАВИК. Ну, возьми, Гер, а Гер?

ГЕРМАН. Да уберите вы его! (Ребята отводят Славика назад). В общем, в теории ты слабоват. Посмотрим на практике. Нам для игры нужны цветы. Можешь достать?

МИТЯ. А где?

ГЕРМАН. Вон на клумбе во дворе, понятно? Только смотри, чтобы дворник не поймал. (Пауза). Чего же ты стоишь?

МИТЯ. Неловко как-то.

ГЕРМАН. Что? Испугался? Ещё вратарь называется! Кто смелый, выходи! (Все молчат). Эх, вы! Струсили! Смотрите, как надо. (Снимает с Мити кепку, надевает на себя и убегает).

(Пауза. Все напряжённо следят за Германом. Слышен шум, свисток дворника).

ПЕТЯ. Ой, дядя Федя идёт! Попался Герман!

(Пауза. Вбегает Герман без кепки с остатками цветов в руках).

ГЕРМАН. Всё пропало... Выручайте, ребята! (Снимает быстро рубашку, садится среди ребят и запевает песню).

(Входит дворник дядя Федя с цветами).

ДЯДЯ ФЕДЯ. Эх, безобразники!.. Бесстыдники!.. Такие цветы!.. Кто это сделал? Ты? (Показывает на Германа).

ВОЛОДЯ. Нет, дядя Федя, это я.
ДЯДЯ ФЕДЯ. Ты? Не может
быть, не похоже что-то. Ну, ладно.
Пойдём со мной, если так.

ПЕТЯ. Дядя Федя, это я цветы
рвал, а не он.

ДЯДЯ ФЕДЯ. Ты? Ничего не по-
нимаю. Я видел одного. Так кто же
из вас?

ЖЕНЯ. Я, дядя Федя.

ДЯДЯ ФЕДЯ. Чудеса какие-то.
А кепка это чья?

МИТЯ. Моя.

ДЯДЯ ФЕДЯ. Вот как? Выходит,
ты по клумбе лазил.

МИТЯ. Нет, дяденька, не я.

ДЯДЯ ФЕДЯ. А кто же?

(Все, кроме Германа: «Я... я... я, дядя
Федя, это не он... не он».)

ДЯДЯ ФЕДЯ. Нет, брат, меня не
проведёшь! Пойдём в домоуправле-
ние, там и разберёмся. Ишь, какой
герой нашёлся! Не успел приехать и
уже отличился. Пошли... Пошли...

(Ребята бегут за ними и кричат: «Дядя
Федя, это не он...» Герман остаётся один,
смотрит им вслед. Быстро надевает рубаш-
ку и идёт в другую сторону. Выходят Во-
лодя и ребята).

ВОЛОДЯ. Ты куда?

герман. На поле, там вас по-
дожду.

ВОЛОДЯ. А кто же Митю будет
выручать?

герман. Сам виноват, пусть сам
себя и выручает.

ПЕТЯ. Как так виноват?

герман. Очень просто. Не надо
было выделяться, говорил бы, как
все, а то: «Нет, дяденька, не я».

ПЕТЯ. Он-то правду сказал, а вот
ты молчал, дрожал за собственную
шкуру.

герман. Я дрожал?.. Да я... я...
Если хотите знать, я за вас болею,
за команду. Кто будет без меня
играть? Ты? Шпингалет? Или, мо-
жет, этот Митя?

ВОЛОДЯ. Ишь какой хитрец на-
шёлся!.. Ты играть, а Митя должен
отдуваться за тебя!

герман. Не бойся, ничего ему
не будет. Расплатится и всё расска-
жет. Отвечать придётся мне. Ну, по-
шли на поле, пока меня не задер-
жали!

ЖЕНЯ. Я никуда без Мити не
пойду.

герман. Вот как! Сорвать игру
нам хочешь? Нет, твой номер не
пройдёт. Пошли, ребята! (Все си-
дят). Вы что, баранку ждёте? Кто
идёт со мной? (Все сидят и смотрят
друг на друга).

СЛАВИК. Я пойду.

ПЕТЯ (задерживает его). Сиди!

СЛАВИК. Пусты! Пусты! Я с Ге-
рой хочу идти. (Вырывается и идёт
к Гере).

герман. Кто ещё? (Все сидят).
Понятно. Митю стало жалко... Дума-
ете, я струсил, признаться испугался?
Нет, я не из таких! Что ж, пойду
его освобождать! Но вы ещё меня на
поле вспомните!

(Уходит вместе со Славиком).

ПЕТЯ. Подумай, какой мастер
спорта нашёлся! И без него обойдём-
ся!

ВОЛОДЯ. Правильно. На Мите
хотел отыграться!.. Сам рвал, сам и
отвечай.

(Вбегает Миша).

МИША. Что же вы на самом де-
ле? Сейчас на поле выбегать, а вы
тут прохлаждаетесь. Пошли скорее!

ВОЛОДЯ. Пошли, ребята! Узнаем всё на первом перерыве.

ПЕТЯ. А вдруг он не сознается? Что тогда?

ВОЛОДЯ. Я сам всё расскажу, как было. *(Все уходят).*

(Входят Герман и Славик).

герман *(со злостью)*. Ушли!.. Ничего, они меня ещё вспомнят! Я свою команду создам. Пойдёшь ко мне играть?

СЛАВИК. Конечно! Только вратарём.

герман. Вратарём так вратарём. Я научу такие мячи брать, что все ахнут. Хороший вратарь должен чувствовать ворота закрытыми глазами. Смотри! Вот ворота. *(Ставит «ворота»)*. Закрой глаза. *(Надвигает ему на глаза кепку)*. Перевернись! *(Вертит несколько раз, затем привязывает ногу к скамейке ремнём)*. Ну, что ты чувствуешь?

СЛАВИК. Ничего, темно только.

герман. Теперь я брошу мяч, а ты лови. Понятно?

СЛАВИК. Ага!

герман. Ну, лови! *(Делает движение рукой. Славик бросается и падает, Герман смеётся)*. Эх, ты, вратарь! От земли оторваться не сумел. Ничего, не сердись. Это я смелость твою проверял. Рывок у тебя неплохой, толк выйдет. Прежде всего нам нужно свой мяч приобрести. Сколько у тебя есть денег?

СЛАВИК. Вот, сорок копеек, папа на сладкую воду дал.

герман. Без воды хорош, давай сюда! Маловато. Ещё достанешь, — неси ко мне.

СЛАВИК. Ладно. *(Слышим свисток судьи, голоса зрителей)*. Ой, это ребята игру начали! *(Лезет на стол)*. Смотри! Смотри! Женька ведёт, мяч отдаёт Пете. Петя идёт вперёд, обводит одного, другого, отдаёт Володе. Володя идёт вперёд. *(Кричит)*. Вовка, давай! Давай! Бей! Бей! Бей!

герман *(стаскивает его со стола)*. Я вот тебе дам! Видишь? *(Показывает кулак)*. Ты за мою команду должен болеть!

(Входит заплаканный Митя).

герман. Разиюнился... Выдал меня? Да?

МИТЯ. И не собирался. Я сказал, что цветы не рвал, а кто — не знаю.

герман. Врёшь!

МИТЯ. И не собирался!..

герман. Покажись, чем можешь!

МИТЯ. Чтоб мне пусто было!

герман. Молодец! Что они сделали тебе?

МИТЯ. Кепку отобрали, прислать за ней велели тётю.

герман. Подумаешь, я тебе свою отдам — морскую, хочешь?

МИТЯ. Она меня в деревню отправит, а я не хочу отсюда уезжать. *(Плачет)*.

ГЕРМАН. Тихо. Дядя Федя идёт.
(Входит дядя Федя).

ДЯДЯ ФЕДЯ. И Гера здесь!..
Что же ты один, а ребята где?

ГЕРМАН. В футбол играют.

ДЯДЯ ФЕДЯ. Тебя не взяли?

ГЕРМАН. Ну да! Я сам не пошёл, с ними только позориться. Я вот скоро в сборной района играть буду.

ДЯДЯ ФЕДЯ. Ишь ты, да ты у нас знаменитый футболист! Молодец, не то, что он. Смотри, что натворил! (Мите). А ну, бери метлу и убирай дочиста!

ГЕРМАН. Дядя Федя, можно я уберу?

ДЯДЯ ФЕДЯ. Нет, нет. Он набросал, он и уберёт. (Митя берёт метлу и подметает). Эх-хэ-хэ! Рвать-то ты мастер, а вот метлу держать не можешь. Сильнее, сильнее нажимай. Да, всем ты у нас, Герман, хорош, а вот за клумбой не усмотрел. Не было бы меня, он и до роз добрался бы. Чего молчишь, или с ним вместе заодно?

ГЕРМАН. Как-то не заметил. Смотрю, бежит, а вы за ним.

(Митя остановился и с недоумением смотрит на него).

ДЯДЯ ФЕДЯ. Чего смотришь! В кучку, в кучку заметай. (Гере). Не заметил, говоришь, а старался защищать.

ГЕРМАН. Я?.. Я... молчал, думал, сам сознается.

(Митя бросает метлу и убегает).

ДЯДЯ ФЕДЯ. Ты куда?

СЛАВИК. Митя! Митя!

ДЯДЯ ФЕДЯ. Стыдно стало. Ничего, тётя с ним не так поговорит.

СЛАВИК. Врёт он! Врёт! Дядя Федя, не верьте ему. Он неправду говорит.

ГЕРМАН. Молчи, предатель!

СЛАВИК. Не буду молчать! Не буду! Дядя Федя, это он цветы рвал! Он! Честное слово, все ребята подтвердить могут.

ДЯДЯ ФЕДЯ. Знаю, Славик, знаю. Сам видел, как он на клумбе хозяйничал, да ребята усомниться заставили. Митю забрал, думал, совесть заговорит, сам честно признается. Но где там! Он совесть-то вместо цветов на клумбе оставил. Чертополохом стал. На моих глазах товарища позорил, грязью обливал, чтобы себя спасти. Ну, что с тобою делать прикажешь?

ГЕРМАН. Что хотите, только папе не говорите.

ДЯДЯ ФЕДЯ. Папе! Эх, ты, трус! Не только папе, но и всем ребятам расскажу. Пусть каждый знает, кого пытались защищать! Митю жалко, ни за что страдает парень. Где его теперь искать? (Уходит).

(Герман сидит потупя голову. Славик ходит вокруг него, искоса поглядывая).

СЛАВИК. Ну, ты, чертополох, гони деньги назад!

ГЕРМАН. Чего? Чего?

СЛАВИК. Деньги, говорю, гони, я с тобой больше играть не буду.

ГЕРМАН. Ещё чего придумал! Что с воза упало, то пропало. (Поворачивается к нему спиной).

СЛАВИК. Отдай деньги, слышишь!

ГЕРМАН. Отстань, надоел ты мне.

СЛАВИК. Ах так! Не отдашь, да? (Герман молчит. Славик берёт кирпич и идёт на Германа). Ну, держись, я тебя сейчас бить буду.

ГЕРМАН (поворачивается спиной к столу). Отстань, и без тебя тошно.

СЛАВИК. А мне с тобой тошно. Отдашь 40 копеек или нет? (Герман молчит). Ну, хорошо же... (Достаёт из кармана гвоздь и быстро прибивает рубашку Германа к столу).

ГЕРМАН. Ты чего?

СЛАВИК. Ничего, тебя к столу пригвоздил.

ГЕРМАН (пробует вытащить гвоздь). Вытащи гвоздь, слышишь?

СЛАВИК. Не дёргайся. Рубашку разорвёшь. Отдай деньги, тогда вытащу.

ГЕРМАН. На, возьми свои 40 копеек! (Отдаёт деньги Славику). Ну, вытаскивай, только осторожно.

СЛАВИК. Ну да! Я отпущу, а ты меня бить будешь. Нет, уж лучше ребят подождём.

ГЕРМАН. По-хорошему прошу, отпусти, слышишь?

СЛАВИК. Отстань, надоел ты мне. Зачем я только с тобой связался! Такую игру пропустил!

(Входит Митя в кепке, останавливается).

СЛАВИК. Митя, иди, иди, не бойся. Он у нас прибитый.

МИТЯ. Как прибитый?

СЛАВИК. Очень просто. Я его на всю жизнь к столу гвоздём приспособил.

МИТЯ. За что?

СЛАВИК. За рубашку, видишь? (Герману). Сиди. Сиди спокойно, а то без рубашки останешься! Ребята идут. Сейчас мы ему суд устроим.

(Вбегают ребята, обращаются к Мите).

ЖЕНЯ. Отпустили?

МИША. Досталось крепко?

ПЕТЯ. Наверно, акт составили?

ВОЛОДЯ (подходит к Герману). Молодец! Ты поступил, как настоящий товарищ. (Жмёт руку). Что с тобой?

СЛАВИК. Это я его к столу приколотил. Вы вот ему руку жмёте, а я смотреть не могу. Так бы и дал... (Замахивается). Думаете, он сознался?.. Ещё чего! На Митю всё свалил, ругать его начал.

ВОЛОДЯ (Мите). Это правда?

МИТЯ. Да.

(Все медленно отходят от Германа).

ЖЕНЯ. Гнать таких надо из команды!

ПЕТЯ. Правильно.

МИША. Всех опозорил.

ЖЕНЯ. Вы как хотите, а я с ним вместе играть не буду.

ВОЛОДЯ (Герману). Слышишь? (Герман опускает голову).

СЛАВИК. Вов, а Вов! Возьмите меня в футбол играть. А?

ВОЛОДЯ. А кем?

СЛАВИК. Если можно вратарём.

ВОЛОДЯ. Вратарём?! А Митя?

МИТЯ. Ничего, ребята. Я болеть за него буду, мячи подавать.

ВОЛОДЯ. Все согласны?

(Голоса: «Все согласны»).

ВОЛОДЯ (Славику). Ну, смотри, не подкачай! Держись! Весь двор на тебя смотрит!

СЛАВИК. Ой! Так буду стараться... Так буду стараться...

(Ребята смеются).

ВОЛОДЯ. Пошли!

СЛАВИК. Пошли! (Запевает: «Эй, вратарь, готовься к бою...» Все дружно подхватывают и уходят с пением. Герман остаётся один).

ЗАНАВЕС

У ПРУДА

Сочный запах ромашки, мяты,
Ивы с берега смотрят в пруд.
Эх, друзья вы мои, ребята,
До чего интересно тут!

Почва топкая, и сторожка,
Возвышаясь над ивняком,
На столбах,
Как на курьих ножках,
Встала сказочным теремком.

А хозяин её, как в сказке,
С неводком на крыльце сидит.
Подойдёте — он встретит лаской,
Только с виду старик сердит.

Под усами седыми трубка,
Плащ рыбацкий на нём надет.
Вот он сеть отложил и крупку
Перемешивать стал в бадье.

Вьётся сизый дымок махорки.
Птичий гомон, жужжанье пчёл.
Но подходит пора подкормки,
И старик заспешил на чёлн.

Под водою замшелый столик.
Дед кашичу кладет... и вдруг,
Словно смелый голодный кролик,
Карп хватает её из рук.

Проглотил, показалось мало.
Дед грозит ему: — Не глазей,
Ишь, спина-то какою стала!
Что стоишь, созывай друзей!

Карп сверкнул чешуёй и круто
Устремился на дно пруда.
Не прошло и одной минуты,
Закипела вокруг вода.

Карпы взрослые и карпята
Рвут кашичу, хвостами бьют,
А старик, с потеплевшим

взглядом,

Опоражнивает бадью.

И когда затоскуют ивы,
Слыша птичий прощальный крик,
То с пруда, как с хорошей нивы,
Урожай соберёт старик.

Рис. В. Адаева

Л. Гаврилов
и В. Суслов

Рисунки К. Бекташева

Дача! Славное местечко:
Слева — речка, справа —
речка.
Здесь Аркадий каждый год
Летом с бабушкой живёт.

Дружит он с соседкой Таней,
С той, что зря реветь
не станет,
Без причины, просто так...
Третий дачник — Шапкин
Гоша,
Неуклюжий, но хороший,
Замечательный толстяк!

Все они (и Компас даже)
Стали зваться «экипажем»
Капитан серьёзен, строг.
Им сегодня у веранды
Сформирована команда:
Гоша — боцман, Таня — кок.

Нет, конечно, для похода
У команды парохода.
Даже лодки нет у них!
И поэтому построен
Новый плот из старых брёвен
Под названием «Бул-Тых».

У Петлянки на полянке
Перепуткин в «капитанке»
Проверяет каждый тюк.
Боцман кладью перегружен:
Парус — нужен... Мячик —
нужен...

Глобус,
Удочки,
Утюг
(Пригодится, может, вдруг).

Провиант готовит Таня:
Вот — вареники в сметане,
Вот — сухарь, а вот — пирог...
Всё же боцман зол на кока:
— Нам с тобой одна морока!
Где твои кастрюли, кок?!

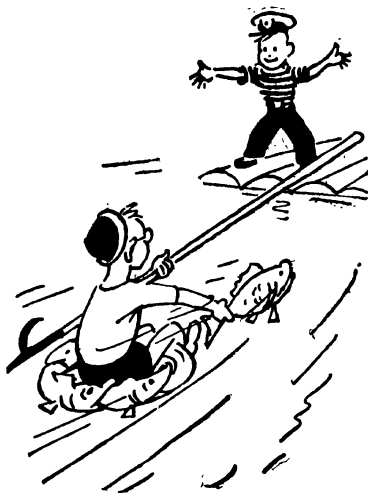
Капитан встаёт за руль:
— Отплываем без кастрюль!
Над Петлянкой парус вьётся.
В дно багром упёрся, боцман,
Подналёг разок, другой...
Плот пошёл, волной
 подброшен...
На багре остался Гоша
Между небом и водой!

Видит Гоша: в речке рыбы!
Шепчет Гоша: — Помогли
бы!..

Выплыл угорь не спеша.
Цап! Поймал за хвост ерша,
Ерш — уклейку-невеличку,
Та схватила хвост плотички,
А плотичка — пескаря.
Тот — леща, а лещ — угря.
Получился рыбий круг.
— Что ты медлишь! Прыгай,
друг!

Но опять у экипажа
Обнаружена пропажа:
Будка Компаса пуста!
Шепчет боцман: — Неспроста!
Да, дела 'собачьи плохи,
Мог погибнуть в суматохе,
Захлебнуться невзначай...
...Вдруг вдали собачий лай!

Разом все назад взглянули.
 — Компас!
 — Где?
 — Да вон, в кастрюле!
 Догоняет Компас плот,
 Поварёшкой гребёт.

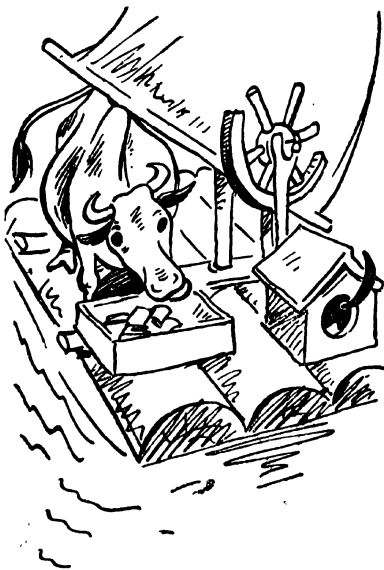

Впереди по курсу — мост!
 — Низковат... — прикинул
 боцман. —
 Мачта в мост как раз упрётся.
 Что же делать?..
 — Выход прост! —
 Капитан в решение твёрд:
 — Все, — кричит, — на левый
 борт!

Накренился сразу плот,
 Под мостом бочком плывёт.

Вышел месяц, Ветер стих.
 Бросил якорь плот «Бул-Тых».
 Под сосной на травке гладкой
 Встали рядом две палатки
 У потухшего костра.
 Всей команде — спать пора.

Над рекой заря встаёт,
 Капитан глядит на плот.
 Трёт глаза он, смотрит снова.
 Что такое? — Не поймёт.
 На плоту стоит корова,
 Сухарей запас жуёт.

Капитан кричит:
 — Аврал!
 Где дневальный? Кто
 проспал?
 Поднимайся, экипаж,
 Нас берут на «абордаж»!

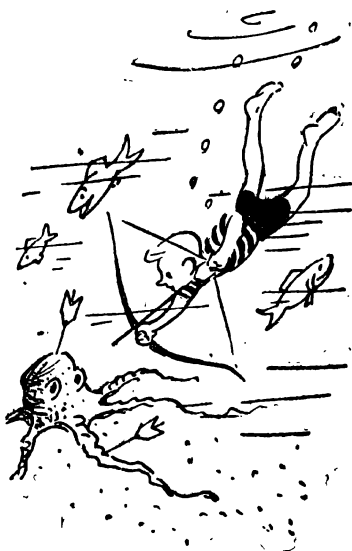
Плот плывёт по речке снова,
 На плоту мычит корова.

На корме встревожен кок:
 — Под водою — осьминог!

Лук — в руках, готовы
стрелы,

Капитан ныряет смело.
Восемь стрел на восемь ног
Под водой пустил стрелок.
Выплывает шаг за шагом
Осьминог из глубины.

— Ба! Да это ведь
коряга! —
Восемь стрел на ней видны.

Над Петлянкою туман.
Смотрит карту капитан,
Говорит он: — Омут рядом!
Приготовиться бы надо.
Там, наверно, глубина!
Метров семьдесят до дна!!!
Вдруг — толчок! И замер

плот.

Капитан разинул рот:
— Что-то случилось с рекой?
Я до дна достал рукой!..
Да!.. С коровой на плоту
С мели слезть немоготу...
А Бурёнка подмигнула,
В воду медленно шагнула,
Подтолкнула рогом плот
И пошла на берег вброд.

Вновь беда: вперёдсмотрящий
Проглядел водоворот.
Закрутил поток бурлящий,
Словно щепку, грузный плот.
Не пошёл «Бул-Тых» ко дну,
Разметался по бревну.
Экипаж домой на дачу
По волнам на брёвнах скачет.

...Над Петлянкой снова тихо.
Больше нет плота «Бул-Тыха»,
Отслужил команде плот.
А ребята за работой.
Вновь выдумывают что-то:
Новый, может быть, поход.

Рассказы о Карле Марксе

Книга из Петербурга

ЭТО было в октябре 1871 года. Поздно вечером к воротам одного из домов на 3-й линии Васильевского острова в Петербурге подошёл господин с помятым, невыразительным лицом, в котелке.

— Дворник! — позвал он негромко, остановившись у подворотни.

Высокий с отвислыми усами дворник в белом фартуке и с бляхой на груди, беседовавший с приятелем, нехотя покосился на звавшего его господина, подошёл к нему:

— Чего изволите, ваше благородие?

— Что, опять в седьмом номере сборище?

— Так точно, ваше благородие. Студенты да барышни-курсистки.

— Новых никого? Мастеровых?

— Всё те же.

— Ладно, ступай...

Господин направился через улицу и скрылся в парадном противоположного дома.

— Кого он ищет? — поинтересовался приятель у возвратившегося дворника.

Тот наклонился к уху: «Каких-то динамитчиков и социалистов вылавливает. И за нашим тут одним охотится... из седьмого номера».

А в это время в квартире № 7 кто-то приглушённо запекает:

За здоровье того, кто писал

«Капитал»,

А ещё за того, кто ему помогал...

Юноши и девушки, сидящие вокруг стола, вполголоса подхватывают:

За здоровье того, кто писал

«Капитал»,

А ещё за того...

— Друзья, за дело!..

— Кто будет писать?

— Я.

— Так начнём.

Это были студенты. Они, как и другие революционно-настроенные люди России, читали книгу Карла Маркса «Капитал» на немецком языке. Им хотелось высказать сердечную благодарность великому учёному, другу трудящихся. И вот теперь один из них под диктовку товарищей записывал:

«Мы — группа студентов-юристов Петербургского университета... решили обратиться за содействием к Международному Товариществу.., а сейчас у нас к Вам такая просьба:

Не хотите ли Вы привлечь русскую молодёжь к Вашей работе и не окажете ли Вы ей содействие с целью распространения в нашей стране света свободы?..

...Давайте нам советы или, вернее, приказания, чтобы мы могли, следуя Вашей программе, внести свою долю в дело постройки здания, воздвигаемого Вами на развалинах Старого Общества...»

Дней двадцать спустя в жёлтом тумане лондонской зимы почтальон, почти ошупью, привычной дорогой добрался до дома. Прикреплённым к дверям тяжёлым молотком на цепочке постучал в дверь.

— Письма доктору Марксу, — приподнял он кепи перед открывшей ему дверь младшей дочкой Карла Маркса — Тусси.

Тусси положила письма отцу на стол. Одно письмо привлекло её внимание. На нём наклеены марки, каких ещё не было ни у неё в коллекции, и ни у кого из подруг.

— Мавр! — повернулась она к отцу. — Откуда эти марки? Они похожи на русские, правда?

Маркс взял конверт, прочёл адрес.

— Да, Тусси, это из Петербурга.

Затем вынул письмо и стал читать текст, подписанный словами «Ваши друзья». Это было письмо шести студентов-юристов Петербургского университета.

Маркс задумался. Что-то пометив на полях письма, вложил его в папку, в которой лежали другие письма от русских. Папка была пухлая.

Тусси, терпеливо дожидавшаяся редкой марки, заинтересованно смотрела на непонятные для неё строчки и буквы.

— Мавр, ты уже свободно читаешь по-русски?

— Почти... Ведь я начал учить русский язык года два назад.

Два года назад, в октябре 1869 года, с почты принесли небольшой пакет.

— Посылка из России, сэр, — сообщил посыльный.

Маркс с интересом вскрыл обёртку. В ней оказалась книга. Он взял её и разочарованно отложил. Со страниц безгласно смотрели буквы незнакомого языка. К книге было приложено письмо на английском языке от одного из русских знакомых. Тот писал, что посылает книгу, которая, вероятно, окажется полез-

ной Марксу в его работе. Автор книги — Флеровский. Называется она «Положение рабочего класса в России» и только что напечатана.

Маркс снова взял книгу в руки. В ней было 500 страниц. Вероятно, в этом произведении немало действительно интересного. Пишут же ему в письме, что человек этот работал над своей книгой 15 лет..

Маркс привычно зашагал из угла в угол. Потом решительно начал одеваться. Вскоре он уже входил в одну из лавок, где продавались редкие книги.

— Здравствуйте, мистер...

— Добро пожаловать, доктор Маркс. Чем могу служить?

— Скажите, нет ли у вас русско-немецкого словаря?

Хозяин лавки развёл руками:

— К сожалению, нет.

— А русской грамматики на немецком или английском?..

— Увы...

Из лавки в лавку шагал Маркс по Лондону, пока, наконец, нужные книги были найдены...

Вернувшись домой и сбросив пальто, он тотчас взялся за принесённые учебники.

Русский язык... Как сильно отличается он от всех языков, которые Маркс знает. Он листает грамматику, смотрит в словарь. Ого, сколько здесь тонкостей. А есть слова, ударения в которых просто надо заучить — на них нет правил. А вот слова, смысл которых меняется только от ударения. Маркс задумался: справится ли он? Ведь ему не 10—12 лет от роду, когда легче всего усваивается чужой язык. Ему уже все 50 лет. И у него так мало свободного времени.

Хорошо школьникам — у них есть учитель. Он вовремя поправит, объяснит. Маркс ещё раз взял в руки грамматику. Да, а он сам себе будет учителем. И каждый раз придётся столько думать, искать, прежде чем удастся понять какое-нибудь правило, выучить, как применять его.

Конечно, в Лондоне учителя можно было бы найти. Но ему нужно

платить. А где взять денег, если порой и на еду их не хватает!

Что ж, отступить? Нет, это не по правилам Маркса. С того дня он многие часы проводил над словарями, справочниками.

...Поздний вечер. Все легли спать. А в комнате Маркса горит настольная лампа под старым зелёным абажуром. Сам он склонился над толстой книгой, написанной по-русски. Медленно вслух читает он: «У нас пролетариев мало, но зато масса нашего рабочего класса состоит из работников, которых участь хуже, чем участь всякого пролетария...»

А что означает слово «участь»? Аккуратно Маркс ставит над незнакомым словом цифру «17» — порядковый номер. Быстро листает словарь. — Ага, вот! — И на полях книги, под тем же номером, выписывает перевод русского слова «участь» на немецкий.

Ему приходится останавливаться через каждые несколько слов. И порой так трудно найти правильный перевод. Вот, например, встретилась фраза: «Разговор их принял колкий характер». Что означает в переводе

на немецкий — «колкий»? Искал, искал Маркс в словаре перевод и «нашёл» единственно похожее: «колка дров». Только много позже он понял ошибку и рассказывал, смеясь, о ней своему другу Фридриху Энгельсу.

Примерно в это же время жена Карла Маркса Женни писала Энгельсу:

«Теперь, однако, я должна выступить с целым рядом жалоб на него... Он был нездоров, непрерывно кашлял и вместо того, чтобы принять меры к поправлению своего здоровья, стал с пылом и жаром изучать русский язык, стал мало выходить, нерегулярно питаться...»

...Робкое февральское солнце пробивалось в комнату, когда Тусси тихо вошла к отцу. Он работал. Тусси заглянула через плечо Мавра: что он читает? И удивилась. Это была та самая русская книга, которую отец получил всего четыре месяца назад. А сейчас он уже был на 150-й странице. При ней он прочёл её всю, только два раза заглянув в словарь.

- Папа, ты уже столько прочёл?
- Да. Это умнейшая книга!
- О чём?
- О людях России...

Отец рассказывал, а Тусси будто сама вместе с автором книги ездила по России. Вот она видит людей, добывающих золото в Енисейской тайге. Они больны хроническим ревматизмом, чахоткой, цингой. Чтобы спасти жизнь, они бегут с приисков и по дороге умирают. А власти «правят» ими при «помощи» розог. Многих там порют до смерти.

— Для тебя эти слова непонятны, — Маркс заглянул в широко открытые глаза дочери. — А ты знаешь, что едят вотяки? Есть на севере России такая народность. Они питаются хлебом с примесью коры и мха. От такой еды у детей животы разрастаются, ребятишки становятся вялыми, малокровными. «Племя уродов, порождённое нуждой», — так называет их Флеровский. — Голос Маркса звучит печально.

Тусси внимательно слушает отца. Вот они в жаркой Астрахани на Каспийском море. Всюду они заходят в дома к простым людям — рабочим, крестьянам и видят страшную нищету, вечно голодных, в ломотях, детей.

Тусси будто сама знакомится с прямодушным калмыком, поэтичным мордвинком, схожим с ирландцем, жизнерадостным, подвижным татаринком, талантливым украинцем. И все они, как и русские бедняки, люто ненавидят помещиков, капиталистов, чиновников.

— Что же будет дальше?

Тусси готова хоть сейчас отправиться в Россию, чтобы поднять там восстание бедняков против их угнетателей.

Отец положил руку ей на плечо. Всё, что он знает о России, о её людях, давно привело его к мысли:

— Лава потечёт на этот раз с Востока. Революция начнётся в России.

Но русским революционерам предстоит ещё очень трудная борьба. И он постарается помочь им своими книгами, советами...

Всё это было много месяцев на-

зад, когда отец только начал заниматься русским языком. А теперь...

Тусси подошла к книжным полкам. Два года назад здесь была всего одна книга на русском языке. Сейчас их целая полка. А вот ещё одна. И все полны русскими книгами, их стали сотни. Часто теперь Мавр, не отрываясь, читает по-русски книги великих русских писателей: Пушкина, Чернышевского, Добролюбова, Салтыкова-Щедрина, Толстого... Он изучает литературу русского народа, его положение, его историю.

Так хотелось видеть Россию свободной от цепей рабства! И когда пришла весть: в России очень велик спрос на книгу «Капитал», Маркс обрадованно приписал в письме к своему другу Фридриху Энгельсу:

«Меня, разумеется, чрезвычайно обрадовало известие о том, что моя книга появится в Петербурге».

Теперь дело было за переводчиком...

Его русский друг

ПРИМЕРНО за год до этих событий тёплым июльским утром 1870 года к двери одного из домов в Лондоне подошёл высокий голубоглазый молодой человек лет двадцати пяти. У него были широкие плечи, открытый взгляд и небольшая русая борода, какую носили иностранцы. На стук отворила девочка-подросток:

— Вам кого?

С трудом выговаривая английские слова, незнакомец сказал:

— Я хотел бы увидеть мистера Карла Маркса. У меня к нему письмо из Парижа.

Сверху раздался сильный мужской голос:

— Кто там, Тусси?

— Папа, это к тебе, из Парижа, — и девочка впустила гостя.

Через несколько минут, вручив рекомендательное письмо, посетитель сидел у Маркса в кабинете и рассказывал о себе:

— Я русский, зовут меня Германом Лопатиным.

— Вы давно из России? — спросил Маркс заинтересованно.

— Нет, не совсем.

Маркс внимательно слушал молодого человека. В письме из Парижа Лопатина рекомендовали, как русского революционера, бежавшего из России и вступившего во Францию в члены Интернационала.

А Лопатин тем временем продолжал рассказывать о себе.

Детство его прошло на Волге, в шумном Нижнем Новгороде. Потом университет в Петербурге. Уже студентом он не мог равнодушно относиться к несправедливости царских чиновников. Сошёлся близко с Каракозовым, который у ворот Летнего сада в Петербурге в 1866 году бесстрашно пытался убить царя.

— Тогда впервые я познакомился с жандармами.

— Тюрьма?

— Да! Два месяца меня продержали в каземате Петропавловской крепости в подземелье. Потом выпустили: не было улик.

— Сколько вам было тогда лет?

— Двадцать один.

Когда через год он окончил университет, все в один голос утверждали, что при его способностях он, дворянин, легко станет профессором. А там придёт слава, он будет богат.

— Как же вы поступили? — Маркс чуть наклонился вперёд.

Развернув однажды лист утренней газеты, Герман увидел сообщение: Гарибальди бежал с Капреры и идёт на Рим.

Гарибальди — вождь освободительного движения итальянцев за свободу родины от австрийского ига — находится в Италии? Значит, в Италии опять начнётся восстание?

Вечером того же дня Лопатин покинул Петербург. Поездом, в карете, верхом он торопится во Флоренцию. Достигает её, но слишком поздно: в тот день в битве под Ментоней повстанцы Гарибальди были разбиты наголову.

— Вы остались за границей? — с возрастающим интересом приглядывается Маркс к гостю.

— Нет, вернулся на родину. Пытался организовать кружок революционной молодёжи в Москве и в Петербурге. Но опыта для этого у меня было мало. Меня с товарищами предали. Семь долгих месяцев продержали в тюремной камере. Затем выслали в Ставрополь.

Но в один из зимних дней декабря 1869 года Лопатина посещают чины III отделения. Его ведут по городу на военную гауптвахту и запирают там. Оказалось, полиция перехватила письмо, в котором он намекал, что собирается нелегально перебраться за границу. Тогда Лопатин бежит с гауптвахты. Ночью он отправляется в Петербург. Там, прячась от филёров, добывает себе на вымышленное лицо разрешение выехать за границу.

Как вдруг, уже прощаясь, в разговоре с товарищем он узнаёт: молодой известный русский революционер Пётр Лавров собирается бежать из ссылки, но у него нет до-

кументов. Лопатин внимательно выслушал товарища.

— Ну, прощай.

В тот же день он уехал из Петербурга... к Лаврову. Герман отдал ему свой заграничный паспорт. И продолжал скрываться, пока Лавров, благополучно выбравшись из России, не переправил паспорт обратно. Тогда только Герман бежит сам. Женева... Париж... То, что он слышал о Марксе, настолько увлекает, что ему хочется встретиться с ним лично.

— И вот я здесь, у вас...

Их беседа в этот день затягивается до полуночи...

Наконец Лопатин спохватывается: надо дать хозяевам покой.

Они сердечно прощаются. Супруга Маркса — Жени, протягивая руку Лопатину, берёт с него слово, что он заедет прямо к ним:

— Никто вас не стеснит. Вы можете бродяжничать, если хотите, хоть целый день и возвращаться домой только ночевать. Потом: до тех пор, пока вы не выучитесь по-английски настолько, чтобы вести экономно собственное хозяйство, вы должны знать, что за нашим столом вы всегда найдёте накрытым в ожидании вас лишний куверт... До встречи...

— А я помогу вам научиться говорить по-английски, — сказала Тусси.

Герман протянул ей руку:

— Согласен. Я буду прилежнейшим учеником, мисс.

В ту осень 1870 года лондонцы, гуляющие по вечерам в полях Хемпстед-Хила, не раз встречали пожилого седого мужчину с огромным лбом мыслителя в сопровождении красивого молодого человека. Они постоянно оживлённо беседовали. Лопатин слушал, стараясь не упустить ни одного слова. Иногда он переспрашивал, возражал, но часто под конец соглашался. Ему всё ещё трудно говорить по-английски, и Маркс переходил то на немецкий, то на французский, то на латынь. И добродушно смеялся, когда его юный друг, не находя слов, пытался объяснить жестами.

Маркс держал себя с ним просто, и Лопатин без смущения высказывал ему свои мысли о книгах Маркса, которые он прочёл. Герман Лопатин знает: этот замечательный человек, отдавший науке всю жизнь, внимательно выслушает.

А в это время за тысячи вёрст от Лондона, в Петербурге, происходил такой разговор:

— Что же будем делать? Бакунин отказался. Ему не под силу.

— Послушайте! Ведь в Лондоне сейчас Герман Лопатин!

— Вот как? И вы думаете, у него получится?

— О, только бы он согласился!

Эта беседа шла в петербургской квартире книгоиздателя Полякова. Собеседником его был тоже петербуржец Николай Даниэльсон... Примерно года за два до этого разговора служащий «Петербургского общества взаимного кредита» Даниэльсон, прежде чем заклеить приготовленный конверт, внимательно сверил адрес Карла Маркса. Его спрашивали, не возражает ли он против перевода его книги на русский язык.

Вскоре был получен ответ. Маркс согласился с радостью. За перевод взялся Бакунин. Но вскоре, не закончив первой главы, бросил — оказалось не под силу. И тогда-то в поисках нового переводчика было названо имя Германа Лопатина. А спустя несколько недель, в один из дней 1870 года, взволнованный он пришёл к Марксу.

— Вы знаете, я получил из России письмо. Мне предлагают взяться за перевод первого тома вашей книги.

Маркс одобрительно кивает:

— Что ж, мой друг, мне кажется, у вас должно получиться. Это было бы отлично. Мы всегда могли бы советоваться.

После некоторых колебаний Лопатин решился.

На несколько месяцев отложив все дела, он увлечённо переводит книгу с немецкого на русский. Часто, часто встречается с Марксом. И тот нисколько не обижается, когда

Герман, немного смущённо, но убеждённо говорит:

— Вы знаете... мне кажется, первую главу трудно будет понять простому человеку, не учёному. Если бы её изложить проще.

Маркс внимательно слушает:

— А как, по-вашему, это сделать лучше?

Но они беседуют не только о книге Маркса. Почти всякий раз при встрече Маркс заводит разговор о судьбе русского писателя-революционера Николая Чернышевского, сосланного царём в далёкую Сибирь.

— Да знаете ли вы, — Маркс даже пристукнул тростью по земле, — что эта преступная ссылка Чернышевского в Сибирь — потеря для учёного мира не только России, но и целой Европы!

Лопатин во время этих разговоров молчит, что-то напряжённо обдумывая. А однажды он исчезает. Маркс начинает беспокоиться. Но вскоре приходит письмо из Петербурга, написанное рукой Германа. Письмо, короткое и без подписи, сообщало:

«Милостивый государь!

По почтовому штемпелю на этом письме Вы увидите, что, несмотря на Ваши дружеские предупреждения, я нахожусь в России...»

...В квартиру Даниэльсона в Петербурге кто-то настойчиво постучал. Хозяин открыл дверь. Перед ним стоял незнакомый молодой господин, одетый, как иностранец, — в короткое клетчатое пальто, узкие брюки. Только взглядевшись, Даниэльсон узнал пришельца:

— Лопатин! Герман Александрович!

— Не так громко. Моё имя Николай Любавин. — И Герман, закрыв дверь, прошёл в комнаты. — Я не надолго. Хочу договориться с вами, чтобы вы продолжили вместо меня перевод на русский книги Маркса. Я вынужден временно прекратить его.

И Лопатин долго уговаривает Даниэльсона, пока тот, наконец, соглашается.

А вскоре он уже далеко от Петербурга, в Иркутске. Здесь он пытается установить то, ради чего приехал в этот суровый край, — в какое место Сибири сослан Чернышевский?

Это держится в строжайшей тайне. Месяц потратил Лопатин в Иркутске на то, чтобы получить нужные сведения. Наконец ему это удаётся. Нужно срочно ехать. В тот же день в его комнату без стука входят два жандарма.

— По какому праву... — поднялся им навстречу Лопатин.

— Вы называете себя Николаем Любавиным?

— Я Любавин!

— Следуйте за нами.

— Я буду жаловаться, — лицо задержанного выражало крайнее возмущение.

Жандармский следователь, ожидая, когда приведут арестованного, ещё раз перечитал телеграмму от своего начальства из Петербурга с приметами Лопатина и приказом арестовать его. Это было 2 февраля 1871 года, зимой.

А через несколько месяцев, уличив момент, Лопатин бежит из камеры. Часовой открыл стрельбу. Поднялась суматоха. Вслед понеслись восемь верховых жандармов.

— Туды, к лесу подался! Вправо! — надсадно орал им часовой с вышки.

Конная погоня настигала Лопатина. Он бежал что было сил.

За спиной послышался цокот копыт несущейся лошади.

— Стой! Стой!

Слева, справа — озверелые лица конных жандармов. Двое мчатся наперерез. Затравили...

На допросах Лопатин ничего не признавал. А доказать его виновность было невозможно. Его выпустили под надзор полиции...

Прошла зима. Лыдины, ударяясь друг о друга, кружились ещё на Ангаре, когда однажды ранним утром к реке подошёл в крестьянской одежде Лопатин. Оглядевшись, он сбросил котомку в вытащенную на берег утлую двухвёсельную лодчонку. Затем столкнул её на воду, прыгнул в

неё и навалился изо всех сил на вёсла.

Лодка вышла на середину реки и понеслась вниз по течению. Только изредка, в самых глухих местах, Лопатин пристаёт к берегу, чтобы обогреться, раздобыть какой ни на есть еды. В одиночку, сторонясь населённых мест и людей, проплыл Лопатин по Ангаре и по Енисею почти 2000 вёрст.

Позади остались погоня, ревущие страшные пороги Ангары. Пошатаваясь, выбрался он на берег в одном из прибрежных сёл. На постоялом дворе присмотрелся к возницам.

— Эй, батя, не подрядишься подвезти? — подсел он к бедно одетому мужику.

— Куды ехать?

— Да недалече...

Так, пересаживаясь с телеги на телегу, добрался на крестьянских лошадях до Томска. Герман шёл по улицам города, с наслаждением оглядывая дома, прохожих. Ещё день-два, и он будет на пути в Петербург и Лондон. Какой-то господин, шедший навстречу, пристально поглядел ему в лицо.

Лопатин оглянулся. Господин, держа в руках фотографическую карточку, направлялся к нему. Не убыстряя шага, Герман поглядел по сторонам. С обеих сторон крепкие, высоченные бревенчатые заборы, запертые ворота. А улице, казалось, не было конца. Вдали показался перекрёсток. Там стояли, лениво переговариваясь, двое полицейских.

Лопатин прибавил шаг. И тогда позади пронзительно завершал свисток. Сзади, сбоку повисли на руках, выкручивая их, переодетые в штатское шпики, полицейские.

— Ну, теперь шалишь! Не уйдёшь! — так встретили в Иркутске пригнанного назад беглеца.

Он был посажен в тюрьму под строгий надзор. Его часто вызывали на допросы, но по-прежнему ничего не могли добиться. Вот и теперь его привели на допрос в окружной суд. Лопатин взглянул в окно. Деревья колыхали ветвями, склоняя их к арестанту, словно зовя его к себе, на волю. По дороге приближался всадник. Вскоре стала видна форма чиновника. Прибывший привязал лошадь к крыльцу и вошёл в дом.

Лопатин повернулся к сторожившему его часовому:

— Выйдем на крыльцо. Дай хоть воздухом подышать.

Часовой подумал, что это дозволялось уставом.

— Иди.

И, взяв винтовку на изготовку, пошёл следом.

На крыльце Лопатин глубоко вздохнул, потянулся... и, резким толчком сбив часового, спрыгнул на землю, оторвал поводья, вскочил в седло и помчался к лесу. Позади слышались крики, хлопали выстрелы. Но вот уже зелёная опушка расступается, и всадник, прижавшийся к шее лошади, пропал среди деревьев.

Почти месяц прятался Лопатин в этих местах. Затем переоделся мужиком, раздобыл телегу и, погоняя потихоньку лошадь, добрался до Томска...

Куплен билет. Смешавшись с толпой бедняков — палубных пассажи-

ров, Лопатин прошёл по трапу. Гудок... Пароход отвалил от пристани.

Вскоре Лопатин благополучно прибыл в Петербург.

Добираясь на квартиру к товарищу, где он смог спрятаться, Лопатин прошёл мимо витрины известного книжного магазина Черкесова. Не знал он, что почти год назад — 27 марта 1872 года — здесь была выставлена новая книга — первый том «Капитала» Карла Маркса на русском языке.

В этой книге часть перевода была сделана Лопатиным ещё до отъезда в Сибирь, на помощь Чернышевскому. Он так хотел спасти его, этого человека, которым, по словам Маркса, должна была гордиться Россия!

Прошло ещё немного времени, и Лопатин с борта парохода увидел меловые утёсы по берегам Темзы, услышал грохот и шум лондонского порта. Едва сойдя на берег, он направился к Марксу. Его встретили радостно, как родного.

Маркс показал своему русскому другу новенький том своей книги на русском языке. Его прислал из Петербурга Даниэльсон.

— Перевод отличный. И этим мы обязаны, прежде всего, вашему умению, Герман.

Маркс обернулся к Энгельсу: — Ведь так?

Энгельс вынул трубку из рта:

— Справедливо. Спасибо вам, Герман!

Сказка о сахарном человечке

ВЫ не знаете сказки о сахарном человечке? Если хотите узнать, то слушайте.

Жил на свете маленький сахарный человечек. Был он маленький, как стрекоза, но зато хвастливый и важный, как индюк. Человечек воображал, что родился он во дворце и был не кем иным, как королём! А на самом-то деле родился он, как и все куски сахара, на фабрике. Потом он попал в магазин, и его положили там под стекло, в чудесную розовую вазочку.

Человечек с гордостью поглядывал вокруг.

Однажды в магазин вошла толстая женщина, у которой было много-много пёстрых бумажек, которые люди называют деньгами. Женщина через стекло полюбовалась нарядным и важным сахарным человечком и купила его. И вот он оказался в одном пакете с сахаром. Устроившись в нём поудобнее, хватушка задремал. Проснулся он от того, что кто-то грубо схватил его поперёк живота и

положил на кучу сахара в вазу. Человечек лежал выше всех кусков сахара и поэтому снова возгордился.

— А вы знаете, кто я такой? — важно спросил он.

— Нет, нет, — пропищали куски сахара.

— Я король! Зовите меня вашим величеством. Вы — мои слуги.

И человечек, очень довольный собой, запел:

*Я самый главный,
Я самый важный,
Я самый умный,
Я самый смелый!*

Рис. А. Круцова

Песенка была, конечно, немная и нескладная. Однако новые слуги хвастливого человечка принялись наперебой её расхваливать.

Молчал только маленький обломок сахара. Он знал, что когда-нибудь хвастунишка будет всё-таки посрамлён.

Как-то ночью, когда все спали, к вазе подлетела муха, которая спасалась от паука. Сахарный человечек проснулся и страшно закричал:

— Спасите! Караул! Спасите!.. Я король! Я не такой, как все! Меня нельзя трогать!

Муха улетела. Но слуги важного короля, проснувшись от шума, видели и слышали, как перепугался их владыка маленькой безобидной мухи. А хвастунишка успокоился и снова заважничал:

— Ну что, видели, какой я храбрый? Как испугалась меня эта дерзкая муха! Сразу же улетела!

Куски сахара согласились, что их король действительно очень

храбрый. Молчал только маленький обломок сахара: он посмеивался про себя и продолжал думать, что придёт время, когда важному хвастунишке придётся плохо. Ведь так всегда бывает с зазнайками.

Очень скоро человечку надоели целыми днями лежать в вазе на острых кусках сахара.

— Безобразие! — сказал он. — Скоро ли я выберусь из этой душной темноты на свет и избавлюсь от своих глупых соседей?

И однажды, рано утром, дверца буфета, в котором стояла ваза, распахнулась. Это мальчик решил узнать, нет ли чего вкусенького в буфете? Он дотянулся до вазы и схватил нарядного сахарного человечка.

— Видите, меня берут отсюда первым! — похвастался «король».

Но, не успев договорить, оказался во рту мальчика.

Вот ведь как глупо хвалиться и важничать!

Алла ЗАЙЦЕВА
4-д класс, 182-я школа

Вопиющая несправедливость

ЕЩЁ в самом начале смены в лагере повесили объявление о том, что скоро состоится литературная викторина. С тех пор все у нас кинулись читать книги.

Только мне читать не хотелось. Ну, посудите сами: лето ведь! К тому же дела разные. Петьке всыпать надо? Надо. Кольке тоже надо. А Витьке и подавно. На речку сбегать тоже хочется. И в лесу интересно. А футбол? Тут уж и говорить не приходится. У девчонок тоже косы

как раз по спине болтаются — дёргать удобно. Есть тут время для чтения!

В общем, участвовать в викторине я не собирался.

Всё так и было бы, если б не та самая рыжая Нинка, что со мной в одном дворе живёт. Она меня вдруг дразнить принялась. Будто я и вообще-то книжек не читаю и не знаю никаких литературных героев, а на викторине ни на один вопрос не отвечаю. Я, конечно, обиделся и говорю:

— Вот посмотришь: первый приз будет мой!

До викторины оставался только один день, и я с утра сел за книги. Читать я решил так, чтобы не осталось ни одной непрочитанной книги! Разложил на травке «Приключения Тома Сойера», «Золотой ключик», «Робинзон Крузо» и давай листать. Сначала разглядел все картинки. Потом прочитал первые главы в каждой книжке. Потом прочитал последние главы, чтобы знать, чем же там всё кончилось. На середины книжек времени у меня, к сожалению, не хватило, но и так всё уже было ясно. На викторину можно было идти спокойно.

На следующий день я встал раньше всех и всё время бегал смотреть на часы: долго ли осталось до викторины? И вот она, наконец, началась.

Ведущий, Игорь Тихонов, задал первый вопрос:

— Кто такой Робинзон Крузо?

Я сразу поднял руку, встал и громко, чтобы все слышали, говорю:

— Робинзон Крузо — это деревянный человечек, который учился в воскресной школе.

Тут как раз ребята чему-то засмеялись. Наверное, что Витька Рогов опять рожу строит. А Игорь задаёт уже второй вопрос:

— Кто был самым близким другом Тома Сойера?

Я снова опередил других и отвечаю:

— Кукла Карабаса-Барабаса — Пятница!

А ребята хохочут и хохочут, будто они сюда не на викторину пришли, а просто посмеяться.

— Какая тайна была у Карабаса-Барабаса? — снова спрашивает Игорь.

— У него была дохлая кошка! — кричу я. — С её помощью он сводил бородавки.

Ребята даже за животы схватились. Ну и пускай себе!... Я тем временем ещё на два вопроса ответил, и больше решил не отвечать — хватит! Больше я ничего не слушал, ждал премии.

Вскоре викторина закончилась. Я поправил галстук и пригладил волосы, готовясь выйти на середину. Но Игорь почему-то вызвал не меня, а Нинку. Две другие премии получили какие-то мальчишки из третьего отряда.

Разве это по правилам? Нинка ответила только на три вопроса и получила первую премию. А я ответил на целых пять и что? Ничего.

Вопиющая несправедливость!

Люда ЗОТОВА
6-в класс, 261-я школа

Л Е С

За далью тонет даль небес,
Над головой — лазурный омут.
Шумит, звенит сосновый лес,
Янтарной позолотой тронут.

В прозрачной дымке тает
грусть,
Природа спит в сосновых
лапах.
Здесь хорошо! Волнует грудь
Зелёной хвои терпкий запах.

Здесь каждый шорох, каждый
всплеск
В душе рождает вдохновенье:
То дятел застучит, то лес
Зальётся многократной звенью,

То зашумит лесной ручей,
Вдруг наскочив на камень
голый,
И смотрит лес из-под кудрей,
Голубоглазый и весёлый.

Юрий ПАРКАЕВ
261-я школа

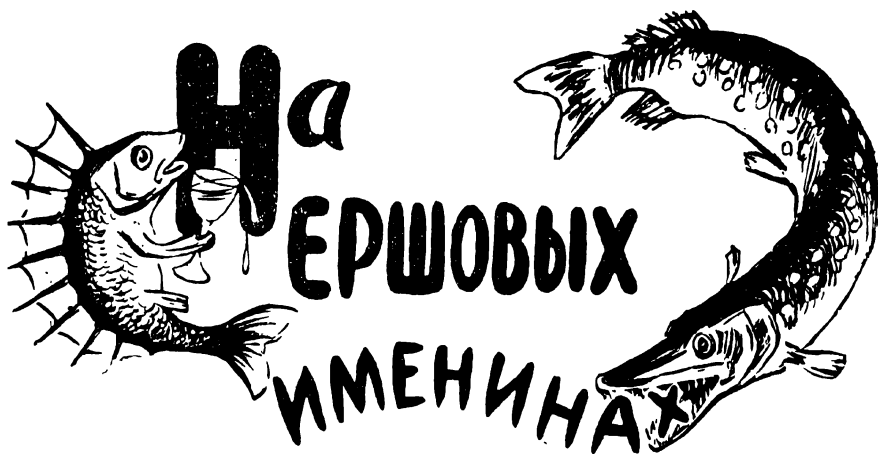
Рис. В. Адаева

Г Р А Ч И

*В сад недавно прилетела
Стая шумная грачей.
Принялись они за дело —
Строить гнёзда из ветвей.
Освещают утром землю
Солнца первые лучи,
А в саду уже не дремлют
Работающие грачи.*

*Тёплым солнышком
согретый,
Побежал, звеня, ручей.
Будет жить со мною летом
Стая дружная грачей!*

Алик БАСС
4-е класс, 257-я школа

СКАЗКА

СРЕДИ коряг в глубоком тёмном омуте жила-была Щука. Щучий народ звал её «старой мамкой», потому что она всем приходилась если не матерью, то бабушкой или даже прапрабабушкой. Прочие рыбы звали её «главной разбойницей», потому что она за столетний век переварила в своём бездонном желудке целые потомства пескарей, плотичек и прочих безобидных рыбёшек.

Старая мамка среди щук считалась самой мудрой и опытной. И потому она из года в год учила молодых щурят уму-разуму. Собирала их в своём омуте и давала уроки жизни. Устраивалась у старой коряги и поворачивала свою голову так, что все щурята хорошо видели глубокий тёмный шрам на черепе возле глаз. Сначала спрашивала:

— Видите шрам на моей голове? Замечаете рубцы на моём хвосте?

— Видим, видим! — почтительно галдели щурята.

— Это следы молодости и неопытности. Водится у нас малюсенькая неприметная рыбёшка под названием ёрш. И все эти раны я получила по его милости.

И рассказывала слушателям каждый год одну и ту же историю.

Вот эта история.

Однажды, лет семьдесят назад, когда Щука была сравнительно молодой, Ёрш вздумал праздновать свои именины. Может, месяц, а то и два готовился он к этому празднику: решил пригласить всех соседей и потому трудился и днями и ночами — припасал закуски. Скоро ли, долго ли, а день торжества наступил. По просьбе Ёрша стайка шустрых уклеек разбежалась по всей реке приглашать рыб на именины.

Гости не заставили долго ждать себя. Солидно перевали-

ваясь, приплыл упитанный лещ. Возле стола шевелил усами задумчивый налим. Важно плавал между рыб и справлялся о их здоровье нарядный окунь. Поближе к поверхности резвились уклейки и хариусы. К самому дну прижались пугливые пескарри. Везде и всюду сновала шустрая плотва. Сквозь воду пробивались лучи солнца и ярко поблёскивали на чешуе гостей.

Хоть и разбойница была Щука, но и её пригласил гостеприимный Ерш. Она пожаловала позже всех. Увидели её пескарри и от испуга прижались ко дну, с беспокойством поглядывали на неё плотички и уклейки. Но Щука приветливо поздоровалась, и все успокоились.

Праздник начался. Ерш суетился, угощал гостей. Скоро наступило всеобщее веселье. Щука миролюбиво поглаживала плавниками молодого леща. Пескарри поднялись со дна и беззаботно сновали меж больших рыб, при одном виде кото-

рых раньше пугливо прижимались ко дну.

Разбойница Щука только делала вид, что очень довольна праздником, а на самом деле она думала: «Ну, разве наешься этими маринованными мухами и червяками? Вот леща бы проглотить — у него такая жирная спинка!» Она широко открыла зубастую пасть, и лещ метнулся в сторону.

— Вот глупенький! — засмеялась Щука. — Чего ты испугался? Мне стало скучно — я и зевнула нечаянно.

Лещ ответил, что он ничего не боится и что только хотел поплясать, но сразу же раздумал. Однако как ни приглашала Щука, он к ней не подплыл, а направился к весёлой компании нарядных окуней.

Щука мило улыбалась нарожившимся гостям, а в душе проклинала себя за несообразительность: надо было проглотить леща, когда ласкала его, тогда он жмурился от удовольствия и никто на них не обращал внимания, потому что все смотрели на весёлую пляску уклеек. А теперь вот попробуй закусить, когда все на неё поглядывают с опаской и держатся на почтительном расстоянии!

Много пришлось похлопотать заботливому хозяину Ершу, чтобы успокоить своих гостей. Обильные закуски и пьяные корни сделали постепенно своё дело. Известно же, после хмельного и плотной еды настроение меняется само собой: молчаливые становятся разговорчивыми, осторожность и подозрительность переходят в благодушие,

даже в бесшабашность, слабосильный трусишка вдруг начинает воображать, что он самый смелый, самый храбрый во всём огромном подводном царстве.

Так случилось кое с кем и из гостей Ерша. Пожалуй, только задумчивые налимы да франтоватые окуни не потеряли головы. Но они были достаточно крупны и сильны, чтобы не слишком беспокоиться. Гости, как водится, разбились на группы: налимы беседовали с лещами, окуни затеяли разговор с Ершом-именинником и его родственниками, пескари кувыркались на дне, а беззаботные уклейки стали играть в пятнашки. Щука похвалила их за весёлый характер и сказала, что игра в пятнашки — очень интересная игра. Пьяненьким уклейкам щучья похвала очень понравилась, и одна из уклеек сказала приветливо:

— Давай и ты, тётя, поиграй с нами.

— Поиграть-то хочется, да что скажут другие рыбы: такая, мол, большая, а туда же, с маленькими в пятнашки гоняется! Ещё засмеют.

— Ничего не засмеют! Они ничего не видят и не слышат, — загалдели уклейки. — Им не до нас, они затеяли скучные, серьёзные разговоры.

— Ну, если уж так... Если уж вы очень просите, — как будто нехотя и очень громко, чтобы слышали другие, ответила Щука. — Могу, пожалуй, поиграть.

Одна уклейка сразу же запятнала её — задела хвостиком и крикнула на ходу:

— Тебе водить, тётя Щука! Догоняй!

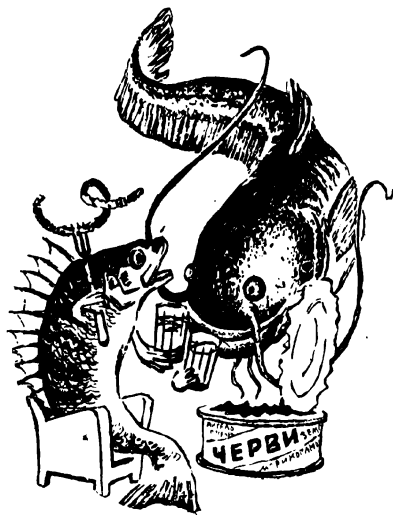
И Щука догнала, открыла пасть, весёлая уклейка не успела пискнуть, как очутилась в щучьем желудке. Игра в пятнашки для уклеек кончилась очень невесело: через минуту-другую почти всех их проглотила Щука.

А пир между тем шёл своим чередом. Щука как ни в чём не бывало опустилась рядом с Ершом-именинником, вяло двигала плавниками: её одолевал сладкий сон.

Кто-то запоздавший на праздник принёс весть, что по соседству поселился судак, очень большой, очень серьёзный и очень важный.

— Да ведь это же мой близкий родственник! — обрадовался Ерш. — У него ведь тоже на спине колючки. Надо обязательно пригласить судака в гости. Попрошу-ка уклеек: они самые почтительные и самые шустрые.

— Уклеечки-резвушки, будьте так добры, пожалуйста ко мне на секунду. Уклеечки, да где же вы?

— Нас нету, — донёлся издали печальный голос.

Все оглянулись и увидели между коряг перепуганную уклейку.

— Куда же твои весёлые сестрички делись? — спросил Ерш.

— А мы... мы играли со Щукой в пятнашки. И она... проглотила всех моих сестричек.

— Ка-ак так? — округлил глаза Ерш. — Так вот почему она уснула! Я её пригласил в гости, как порядочную соседку, а она — глотать моих гостей! Не позволю!

Ерш гневно нахохлился и расправил свои колючки, разбежался да тюк Щуку прямо в глаз. Она сразу очухалась от сна, взвыла от боли, ударилась головой о камень. Со злости бросилась за сестрой Ерша и проглотила её. А та своими колючками распорол щучью глотку. Разбойница заметалась, то о камень ударится, то наскочит на острую корягу. На всём её теле появились глубокие раны. Да вдобавок ещё ерши и окуни

как следует перекололи её. Дорого обошлись Щуке проглоченные уклейки: целый год залечивала она свои раны.

С тех пор прошло лет семьдесят, а старая Щука всё ещё не может забыть ершовых именин. Сейчас, как только увидит этих ершей, удирает как можно дальше. А когда учит молодых щурят уму-разуму, то свой рассказ всегда заканчивает такими словами:

— Не ходите, детки, на ершovy именины. Даже если очень будут просить — всё равно не ходите. Бойтесь не только ершей, но и всех рыб, когда они собираются вместе. Даже пескаришки опасны, когда их много. Сидите тихонечко в корягах и подкарауливайте одиночек. Только одиночек!

Как видите, ребята, одиночек и в воде подстерегают всякие опасности и неприятности. Даже самых безобидных на свете рыбёшек — ершей, и тех не так-то легко взять, когда они сообща. Их побаивается даже эта старая разбойница Щука.

Полкан и цыплята

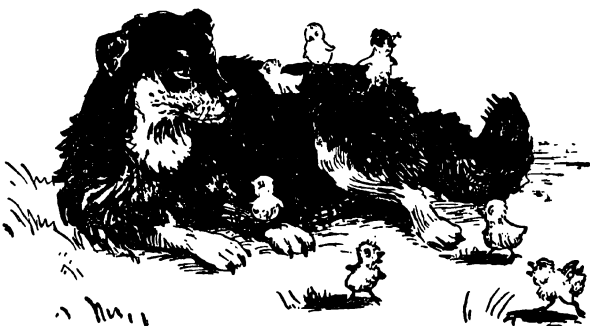
КАК-ТО к ночи к нам во двор зашёл огромный лохматый пёс. Вошёл он медленно, с опаской, словно боясь встретить брошенный камень. С тощих боков его свисала клоچьями невылинявшая шерсть, сверху чёрная, снизу седая и серая. У него был только один глаз, а правое ухо порвано.

Бабушка моя, большая любительница всякого зверья, встретила его ласково. Накормила и потрепала по мохнатому загривку. Назвала Полканом.

Так пёс у нас и прижился.

Однажды весной бабушка принесла инкубаторских цыплят. Ночью они находились в закрытой корзинке, а днём бабушка выпускала их на солнце. Дня через два или три, играя в саду, я увидел необычайную картину: Полкан, прищутив от горячих лучей свой единственный глаз, растянулся на полянке, а цыплята, ещё совсем крохотные, толкая друг дружку, лезли на его спину. Пёс поднял громадную голову, покосился в их сторону, осторожно встал и перешёл на другое место. Но цыплята побежали следом.

Пёс ещё и ещё раз уходил от них, но неугомонные цыплята преследовали его. И, наконец, он сдался: свернулся в клубок и

задремал. Цыплята вскарабкались на него и, потонув в его косматой шерсти, тоже успокоились.

Каково же было моё удивление, когда на следующее утро бабушка окликнула меня с крыльца и показала ту же картину. Полкан дремал на солнце, а цыплята, которым, видимо, внешних лучей не хватало, опять высовывали головки из его шелковистой шерсти.

Пёс к этому привык. Он стал для цыплят и сторожем и нянькой. Охраняя их при кормлении, он ходил вокруг, зло поглядывая по сторонам. И горе было тому, кто пытался пообедать вместе с цыплятами!

Петух поплатился хвостом, утка соседей была крепко помята. Особенно пёс ненавидел нахальных воробьёв.

День ото дня росли цыплята. Вместо жёлтого пушка появились белые пёрышки. К концу лета они ушли на нашест.

Пёс заскучал. Его единственный глаз грустно глядел на курятник, когда оттуда доносилось весёлое кудахтанье.

Ёж-победитель

МЫ возвращались с Куцым из лесу. Вдруг на опушке пёс обнаружил ежа, стал лаять, пробовал повернуть его лапой, но, натываясь на колючки, отскакивал и только громче поднимал лай. Я снял с себя майку, веткой вкатил в неё ежа.

Дома меня ожидало огорчение: майка оказалась вся в дырах. Но зато был ёж! В комнате, где я спал, ёж быстро освоился, привык ко мне, не боялся кота и шёл на зов: «Ёжик-ёжик!»

Всё лето я провозился с ним. Когда закончились каникулы, я собрался в Ленинград. Жаль было оставлять ёжика, и, чтобы мне разрешили взять его с собой, я пообещал родителям учиться на пятёрки. Было трудно, но слово своё я сдержал.

В те времена многие ещё пили чай из самовара. Он шумит, поёт. Пьёшь и слушаешь.

Было так. Однажды мать не вынесла самовар на кухню, а сняла со стола и поставила на пол. Ёж заметил блестящий предмет,

подошёл к нему: то ли хотел понюхать его, то ли лизнуть, как вдруг отбежал от самовара, да как зашипит. Колючки вздыбил. Сам боком, боком, как петух, наскочил и давай колотить самовар то с одной, то с другой стороны. Вертится, колет его, то так, то этак зайдёт, всё кругом да около, пыхтит от усердия, никак не отстаёт, жмёт на самовар иголками, даже передние ноги поднимаются. А самовар стоит — ни с места, только поблёскивает.

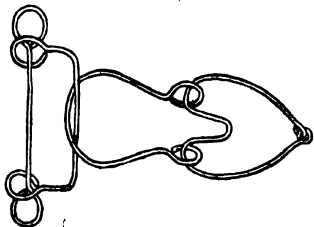
Ну и ёж! Кажется, сейчас самовар закачается и упадёт. Вот, наконец, ёж нападает последний раз и как бы прислушивается, живёт тепло в самоваре или нет. Нет тепла. Ему этого только и надо. Отойдёт от него, опустит иголки, задерёт нос и, важно фырча, ходит кругом остывшего самовара, как победитель.

После этого мать частенько оставляла самовар на полу для сражений, а мы ими любовались.

КИТАЙСКАЯ ГОЛОВОЛОМКА

ПРИДЕРЖИВАЯСЬ указанных на рисунке относительных размеров, изготовьте из проволоки изображённую фигуру.

Не разгибая ни одной из восьми петелек, разъедините сцепление на две части по две детали в каждой, затем вновь соберите головоломку.

Отдел ведёт В. Акентьев

ЗАГАДКА

Там, где печки, там, где свечи,
Там, где подан в кухню газ,
Где горит костёр у реки, —
Не обходятся без нас.
Мы родня лесной осине,
Много нас в одной корзине.

Александр ОНЕЖСКИЙ

РЕБУС

ЭТОТ ребус, составленный нашим читателем Володи́м Грязевым, интересен не только тем, что все рисунки в нём перевернуты, но и тем, что имеет двойное решение.

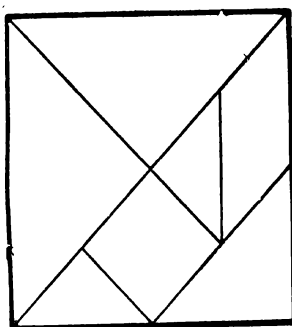
Если его решать, обращая

внимание только на чёрные запяты, то вы прочтёте фамилию великого русского поэта, если же решать ребус с одними белыми запятыми, то получится название произведения этого поэта.

На нашем рисунке показано, как разделить квадрат на семь танграмов, а в заголовке — фигурки, сложенные из них. Попробуйте сами сложить наши фигурки, — вы убедитесь, что это далеко не просто!.. Постарайтесь сами составить какие-нибудь новые фигурки.

ТАНГРАМЫ — китайская геометрическая игра. Ей уже больше четырёх тысяч лет!.. Сущность игры заключается в том, что из частей разрезанного определённым образом квадрата составляются правильные геометрические фигуры или фигурки, напоминающие людей, животных и т. п. При терпении и искусстве можно составить очень забавные и выразительные силуэты.

Если они будут удачны — выразительны, — мы поместим их в «Искорке».

Все разбежались!

(Загадочная картинка А. Илючека)

Где туристы?

Проверь себя

[Ответы к «Искорке» № 5]

ХОЧУ ВСЁ ЗНАТЬ

1. Аталия — малая планета, открытая в 1903 году и исчезнувшая вскоре из глаз наблюдателей. В 1955 году с помощью электронных вычислительных машин учёные точно вычислили орбиту исчезнувшей планеты и вновь её обнаружили.

2. Компасная стрелка указывает; не на географический северный полюс, как думают некоторые, а на северный магнитный полюс, находящийся (по Амундсену) под $70^{\circ} 30'$ с. ш. и $95^{\circ} 30'$ западной долготы. В 1940 г. советский учёный Вейнберг пришёл к выводу о существовании в Арктике второго северного магнитного полюса и высказал гипотезу о симметрии магнитного поля в высоких широтах.

3. Густые кроны елей настолько затеняют землю, что в еловом лесу царит постоянный полумрак, в котором лучше всего заметны белые цветы. Поэтому в процессе естественного отбора в травянистой растительности елового леса остались только её представители, имеющие белые или бледно-жёлтые цветы, больше других заметные для насекомых-опылителей.

4. Самые крупные семена — орехи сейшельской пальмы, растущей только на одном из Сейшельских островов и нигде больше не встречающейся. Вес такого ореха достигает 25 килограммов.

5. Под действием света в тканях растений вырабатываются вещества, задерживающие их рост. Этим объясняется искривление стеблей, наклоняющихся в сторону света: на затенённой стороне стебля клетки растут быстрее, что и вызывает их искривление.

РЕБУС-ШУТКА

Прочтите пословицу.

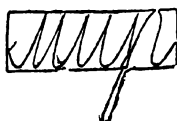
ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРОССВОРД

ПО ВЕРТИКАЛИ. 1. Упит. 2. Айни. 3. Алигер. 4. Тарас. 5. Ильин. 6. Родари. 8. Осеева. 13. Соболев. 14. Диккенс. 18. «Зоя». 19. Мук. 22. Катаев. 24. Житков. 27. Гаврош. 28. Наина. 29. Саксе. 33. Блок. 34. Верн.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ. 7. Ильина. 9. Лондон. 10: Юго. 11. Каверин. 12. Малó. 15. Ершов. 16. «РВС», 17. Жилин. 20. Леонов. 21. Сурков. 23. Ажаев. 25. Гай. 26. Книга. 30. «Мать». 31. Салават. 32. «Овод». 35. Роллан. 36. «Снежок».

ОДНИМ РОСЧЕРКОМ

Решение смотри на рисунке.

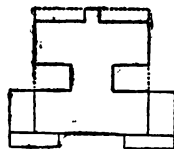

ЧАЙНВОРД «ГЕОГРАФИЯ»

1. Рига. 2. Алтай. 3. Йемен. 4. Нил. 5. Лотарингия. 6. Ялта. 7. Аравия. 8. Ява. 9. Азия. 10. Яна. 11. Афон. 12. Нгами. 13. Испания. 14. Яки.

НА ПЯТЬ ЧАСТЕЙ

Решение смотри на рисунке.

ТРОЙНОЙ РЕБУС

Слова великого русского физиолога И. П. Павлова: «Наука требует от человека всей его жизни».

Пословицы: Минута час бережёт. Знание — сила.

ЗАДАЧИ СО СЛОГАМИ

1. Пример, ставка, пристав, мерка, приставка, примерка.

2. Тропа, парус, Руслан, ландыш, дышло, лотос, тоска, кабан, банкир, кирка.

СОДЕРЖАНИЕ

У костра. Стихотворение Вячеслава Кузнецова	1
Тайны посёлка Званцево. Повесть А. А. Валиевского	2
В добрый путь! Стихи Сергея Макарова	14
Если ты дружишь с песней... Слова П. Кобракова к музыке А. Мирецкого (ноты на 2-й стр. обложки)	17
Четыре рассказа о лошадях. С. А. Кузинин	18
Биография. Стихотворение Норы Яворской	24
Завтра нашей Родины. Твёрже стали, легче пробки. Статья А. Томилина	25
Петька. Стихотворение В. Пархоменко	30
Трус. Пьеса в одном действии Л. Туркина	31
У пруда. Стихотворение Виктора Крутецкого	37
«Бул-Тых». Весёлые стихи Л. Гаврилова и В. Суслова	38
Рассказы о Карле Марксе. Л. Видгоп, Я. Сухотин	42
Творчество юных	51
Ребятам-октябрятам. На ершовых именинах. Сказка П. Петунина	55
Полкан и цыплята. Ёж-победитель. Рассказы Г. Ма- монова	59
Клуб смекалистых ребят	61

На первой странице обложки — рисунок К. Бекташева к весёлым стихам «Бул-Тых».

На второй странице обложки — ноты к песне А. Мирецкого «Если ты дружишь с песней...» на слова П. Кобракова (текст на 17-й стр.).

На третьей странице обложки — викторина «Знакомы ли вам эти места?»

На четвёртой странице обложки — рисунок К. Бекташева и стихи Н. Садового «Лесные приметы».

Редактор М. С. ЗЫКОВА

Адрес редакции: Ленинград, Центр.
Фонтанка, 57. Тел. А-4-48-51.

Сдано в набор 13/VI. Подписано к печати 10/VII 1958 г. 4 печ. листа. Уч.-изд. л. 5,96
М-35386. Заказ № 896. Формат бумаги 70 × 108¹/₁₆. Цена 1 рубль. Тираж 75.000.

Типография им. Володарского Лениздата. Ленинград, Фонтанка, 57

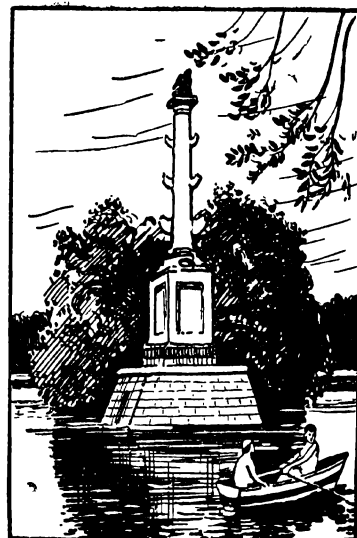
Знакомы ли вам эти места?

(Викторина)

ХУДОЖНИК В. Севастьянов сделал несколько зарисовок в пригородах Ленинграда. Вы видите здесь и какой-то старинный замок, и задумчивого Пушкина, сидящего на скамье, и силача, раздирающего пасть льва, и колонну, очень похожую на те, что возвышаются на стрелке Васильевского острова.

Знаете ли вы их? Где они находятся? В честь чего сооружены?

Интересно, кто из читателей ответит раньше и правильнее всех?

Цена 1 рубль.

Лесная грамота

Туристы юные в пути
Уже четвёртый день.
Им помогает путь найти
Поросший мохом пенёк,
И звёзды в небе, и луна,
И одинокая сосна.

Лесных примет полно вокруг.
Кто знает их, тотчас
Узнает север или юг,
Прогноз погоды, час...

Зимой, и летом, и весной
Дружите с грамотой лесной!

